

БЕЛАРУСЬ И МИР: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР И БЕЗОПАСНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ

Исследование под таким названием проведено в первой половине 2010 г. Белорусским институтом стратегических исследований (BISS) совместно с лабораторией аксиометрических исследований *НОВАК*. Цель исследования – выявление и объяснение геополитических предпочтений, геополитических и культурных факторов выбора внешнеполитических союзов и конфигурации безопасности, существующих в белорусском обществе. В ходе исследования предпринят поиск принципиально новых ответов на ключевые вопросы исследовательской повестки дня аналитического сообщества Беларуси, а именно:

- в какой степени массовое сознание современного белорусского общества восприимчиво к политическим и культурным императивам, традиционно интерпретируемым как «европейские ценности»;
- в какой степени геополитический выбор белорусов между Россией и ЕС обусловлен экономическими и социокультурными (ценностными) факторами;
- в какой степени геополитический выбор может быть подвергнут воздействию извне, за счёт мер информационной, экономической политики, а также политики в сфере контактов между людьми;
- насколько эффективно информационное обеспечение политики в отношении Беларуси, проводимой Европейским Союзом?

Результаты исследования представлены в виде отчёта о национальном социологическом опросе, проведённом в январе-феврале 2010 года по репрезентативной выборке в размере 1071 респондент.

Исследование выявило следующие закономерности.

1. Сохранение **крайне низкого уровня понимания институциональных взаимосвязей Беларуси и ЕС. В частности, осведомлённость о программе ЕС «Восточное партнёрство»** находится на крайне низком уровне, несмотря на положительный имидж этой программы, формируемый как в официальном, так и альтернативном дискурсе.
2. **Провал коммуникационной политики ЕС в отношении белорусского общества** (если такая политика вообще имела место быть). Белорусские власти полностью переиграли ЕС в интерпретации причин введения санкций в отношении высших государственных чиновников. В белорусском обществе отмена санкций воспринята как признание Евросоюзом своего поражения.
3. Сохранение «биполярности» геополитических ориентаций белорусов. При этом **геополитический выбор мотивируется двумя факторами – социальным динамизмом респондентов** (способностью воспользоваться возможностями, которые открывает геополитический разворот, для молодых и образованных участников опроса) и, соответственно, **оценкой баланса экономических благ и**

потерь в результате осуществления того либо иного геополитического сценария. Ценностная мотивация геополитического выбора практически не представлена в белорусском обществе.

4. Доступ к альтернативным источникам информации о ЕС и возможность свободно путешествовать по Евросоюзу повышают проевропейские настроения на 20–30% во всех без исключения социальных группах. В то же время мы констатируем полный провал попыток «европеизировать» массовое сознание посредством внешних электронных СМИ (радиостанции и телеканалы, вещающие извне). Роль «европеизатора» здесь взяли на себя более мобильные и сетевые интернет-СМИ.

5. В плане совместимости политической культуры белорусского общества с «европейскими ценностями», белорусское общество в гораздо большей степени готово к принятию «политических» европейских ценностей (уважение политических и гражданских свобод), чем «культурных» (уважение личностной автономии, выбора стиля жизни, веры, манеры поведения, ориентации и т. д.).

BISS и лаборатория *НОВАК* выражают надежду, что результаты и выводы исследования будут востребованы в работе самого широкого круга заинтересованных лиц, в частности аналитического сообщества, политических сил и, в особенности, кандидатов в президенты, в чьих программах большое внимание уделяется вопросам внешней политики и экономики, журналистов, гражданского общества, в первую очередь организаций, непосредственно работающих над расширением контактов между Беларусью и ЕС. BISS готов предоставить дополнительные консультации заинтересованным сторонам.

Авторы исследования

- *Разработка анкеты:* Надежда Ефимова (*НОВАК*), Николай Кацук (независимый эксперт), Алексей Пикулик (BISS), Виталь Силицкий (BISS).
- *Проведение опроса:* лаборатория *НОВАК* (общее руководство – Андрей Вардомацкий, Надежда Ефимова).
- *Обработка данных и написание аналитического отчета:* Виталь Силицкий, Денис Мельянцов, Алексей Пикулик.

ГЛАВА 1. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЕВРОПЕЙЦЫ ГЛАЗАМИ БЕЛОРУСОВ

В последнее время в политическом дискурсе актуализировалась тема белорусско-европейских отношений в связи с известными внешне- и внутривнутриполитическими метаморфозами. Однако восприятие политики ЕС в отношении Беларуси напрямую зависит от той информации, которую граждане страны получают как о самом Евросоюзе, так и о политическом взаимодействии Брюсселя и Минска. Для того чтобы проследить связь знания и понимания, мы исследовали:

- осведомлённость граждан Беларуси об институциональных аспектах взаимодействия Беларуси и ЕС;
- восприятие гражданами Беларуси политики ЕС в отношении их страны.

1.1. Основные выводы

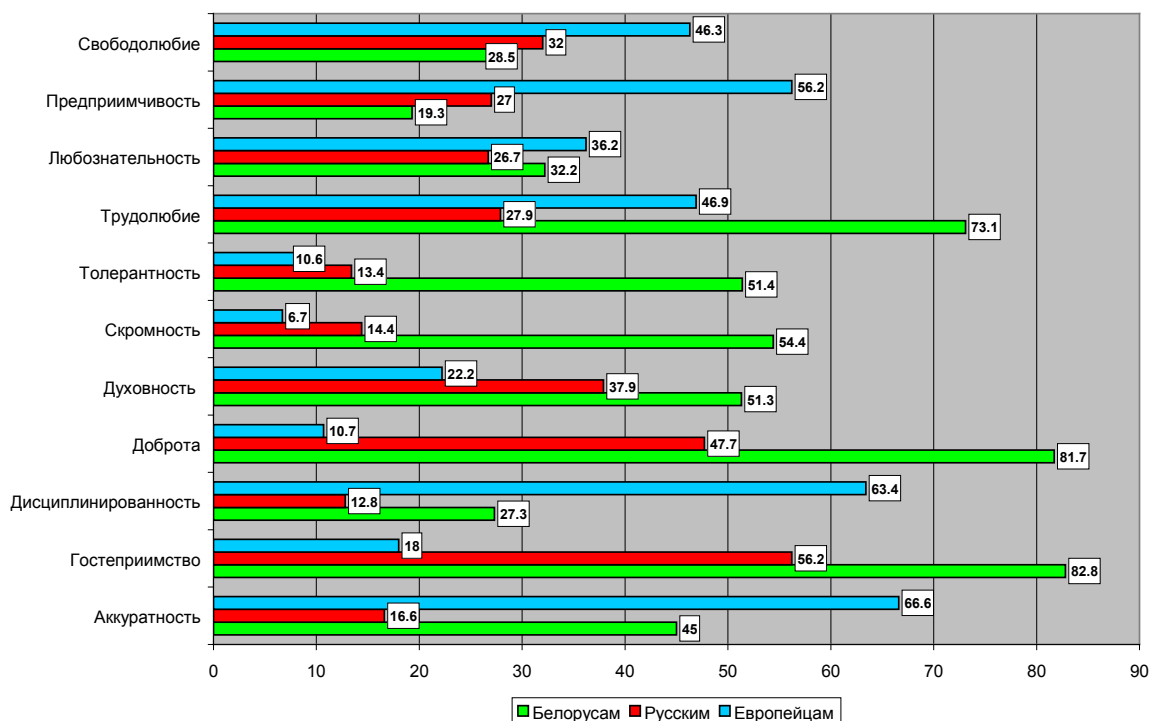
- Уровень понимания институциональных взаимосвязей Беларуси и ЕС достаточно низок – значительное количество белорусов полагают, что их страна участвует в программах и институтах, из которых Беларусь на самом деле исключена, и ничего не знают о программах, в которых страна на самом деле принимает участие. В частности, осведомлённость о программе ЕС «Восточное партнёрство» крайне низка, несмотря на положительный имидж этой программы, формируемый как в официальном, так и альтернативном дискурсе.
- Белорусы несколько более благосклонно оценивают экономические перспективы «Восточного партнёрства», чем членства в ЕС.
- Можно констатировать полный провал коммуникационной политики ЕС в отношении белорусского общества (если такая политика вообще имела место быть). Базовый месседж ЕС не смог дойти даже до наиболее, казалось бы, благодатной аудитории – сторонников вступления в ЕС и аудитории альтернативных СМИ.
- С другой стороны, осведомлённость о политике ЕС, проводимой в отношении Беларуси, только укрепила респондентов во мнении, что эта политика бесперспективна.
- Белорусские власти полностью переиграли ЕС в интерпретации причин введения санкций в отношении высших государственных чиновников. В белорусском обществе отмена санкций воспринята как признание Евросоюзом своего поражения.
- Доступ к альтернативным источникам информации о ЕС и возможность свободно путешествовать по Евросоюзу повышают проевропейские настроения на 20–30% во всех без исключения социальных группах. В то же время мы констатируем полный провал попыток «европеизировать» массовое сознание посредством внешних электронных СМИ (радиостанции и телеканалы, вещающие извне). Роль «европеизатора» здесь взял на себя интернет – более мобильное сетевое СМИ.

1.2. Белорусы и их соседи в зеркале стереотипов

Недавнее исследование наших коллег выявило, что по характеру и менталитету белорусы в четыре раза чаще считают себя более близкими людьми к россиянам, чем к европейцам¹. Однако почему, несмотря на очевидное чувство общности, в Беларуси «прокатывает» настойчивая антироссийская пропаганда, развязываемая каждый раз, когда портятся отношения официального Минска с Москвой? В чём белорусы ощущают свою близость с россиянами? Существует ли непреодолимая «культурная дистанция» и чувство другого в отношении другой стороны? Мы даём наши ответы на эти вопросы, исходя из проведённой в ходе исследования самооценки белорусами собственного национального характера и восприятия ими своих соседей.

Наше исследование выявило высокую степень апологетичности и самолюбования в оценке самих себя членами белорусского общества. В ответе на вопрос, какие качества характера в наибольшей мере присущи белорусам, русским и европейцам, у белорусов доминирует положительная оценка в первую очередь своих духовных и моральных качеств (гостеприимство, доброта, скромность, толерантность, духовность) и трудовой этики (трудолюбие, духовность). Оценка россиян белорусами выявляет похожую структуру в плане моральных качеств, в то же время трудовая этика россиян не вызывает восторга у белорусов. Оценка положительных качеств европейцев значительно различается – здесь респонденты выделяют аккуратность, дисциплинированность, предприимчивость, а также свободолюбие и трудолюбие.

Какие качества национального характера в наибольшей степени присущи...

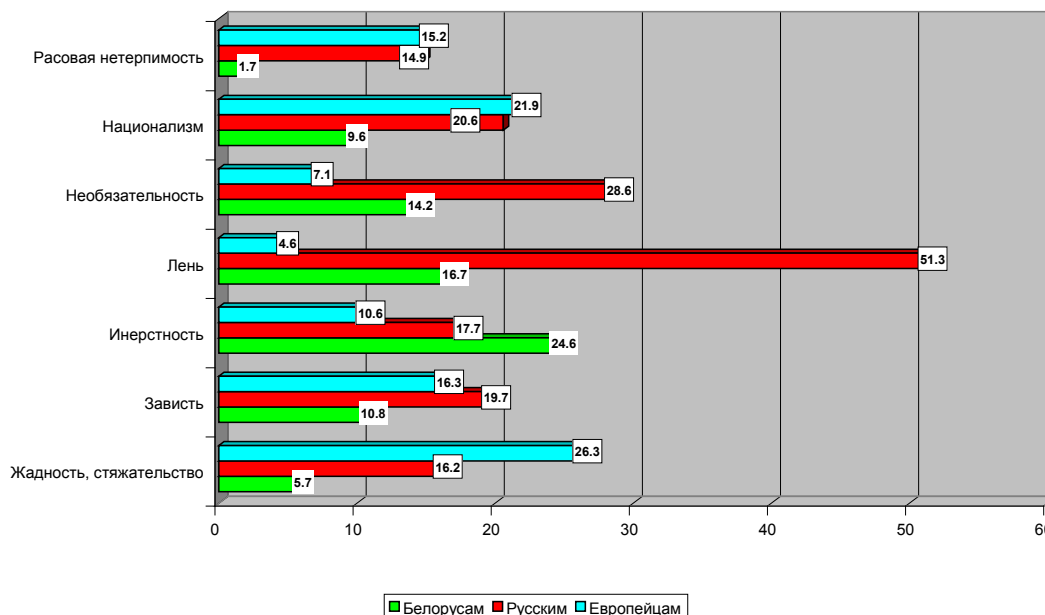

Что касается отрицательных качеств, то показательно восприятие белорусами россиян: более половины опрошенных белорусов назвали лень в качестве основной черты характера русских (в общем рейтинге положительных и отрицательных качеств лень в оценке россиян занимает второе место после гостеприимства!), почти треть – необязательность, пятая часть – национализм и зависть. В целом, **белорусы «обнаруживали» почти каждое из отрицательных качеств у россиян в 2–5 раз чаще, чем у самих себя.** Что касается европейцев, то им, по мнению белорусов, из отрицательных качество наиболее присущи жадность, национализм и зависть.

1 <http://www.iiseeps.org/data10-13.html>.

Заметим, что вариации в самооценке и оценке «других» в зависимости от социальных и демографических характеристик респондентов минимальны. Молодёжь чуть более критично оценивает белорусов как нацию, указывая чуть больше, чем в среднем по выборке, негативных характеристик, в то время как старшее поколение в большей степени настаивает на «моральных» качествах своего народа (доброта, духовность и т. д.), но эти различия не существенны. Лица, путешествующие по странам ЕС, несколько меньше ссылаются на отрицательные качества европейцев, такие, например, как национализм и жадность. Однако в целом профиль оценок представляет определённый консенсус в белорусском обществе.

Какие качества национального характера в наибольшей степени присущи...

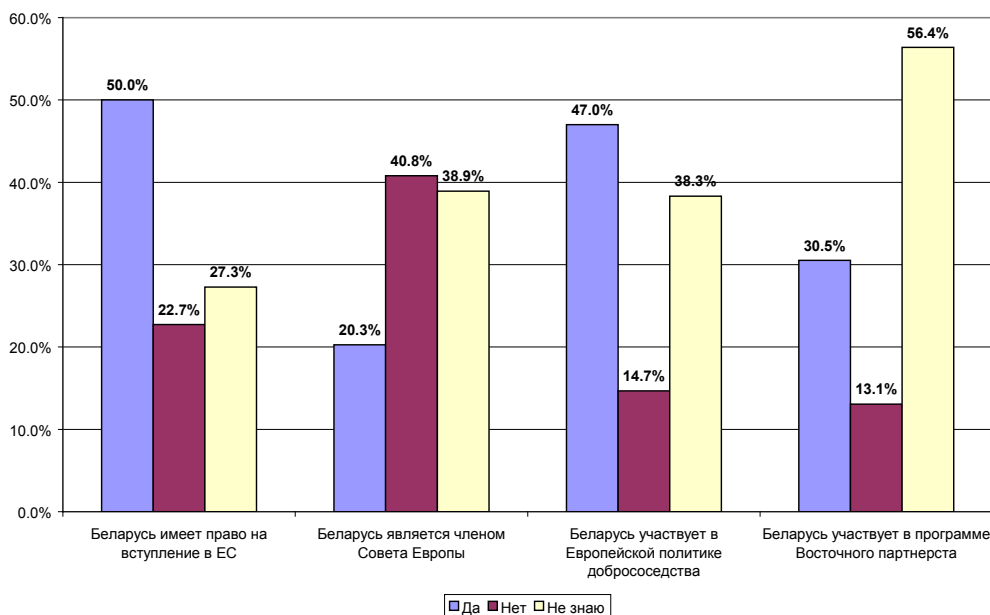
Подводя итог, можно сказать, что в белорусском массовом сознании сложился образ белорусов как «людей со знаком качества» в противоположность как европейцам («трудолюбивым жмотам»), так и россиянам («духовным лентяям»). Заметим, что если белорусы однозначно признают превосходство европейцев в некоторых морально-личностных аспектах (прежде всего связанных с трудовой этикой), то россияне для белорусов абсолютные аутсайдеры практически во всех категориях. Несмотря на ощущаемую «духовную близость» белорусов и россиян, в отношении последних в массовом сознании белорусов сложился устойчивый образ «другого», к которому вполне успешно апеллирует официальная пропаганда во времена кризисных отношений с Москвой.

1.3. Европейский союз остаётся *terra incognita* для большинства белорусов

Исследование показало достаточно низкий уровень понимания институциональных взаимосвязей Беларуси и Европейского Союза. В то время как половина респондентов считают, что Беларусь имеет право на вступление в Евросоюз, примерно 20.3% респондентов ответили положительно на вопрос, является ли Беларусь членом Совета Европы. Почти половина (46.9%) респондентов считают, что Беларусь участвует в Европейской политике добрососедства, 15% – что не участвует. Показателен большой процент неответивших на эти вопросы – соответственно 38.9 и 39.3%. Интересно, что ошибочные ответы на вопросы чаще дают более «продвинутые» и информированные группы населения.

Так, среди молодёжи 23.0% уверены, что Беларусь является членом Совета Европы, среди лиц с высшим образованием таких – 21.2% и среди имеющих доступ к альтернативным информационным источникам о ЕС – 22.2%. Среди тех, кто уверен в участии Беларуси в Европейской политике добрососедства, 58.4% минчан, 58.1% лиц с высшим образованием, 42.1% молодых людей до 24-х лет и 54% имеющих доступ к альтернативным источникам информации. Такая распространённость ошибочных суждений свидетельствует скорее всего о том, что даже **«продвинутые» группы населения особо не следят за перипетиями отношений с ЕС, а их ответы на вопросы скорее свидетельствуют о пожеланиях или осведомлённости о названиях европейских институтов** («слышал гром да не знает, где он»).

Осведомленность об институциональных связях Беларуси с ЕС

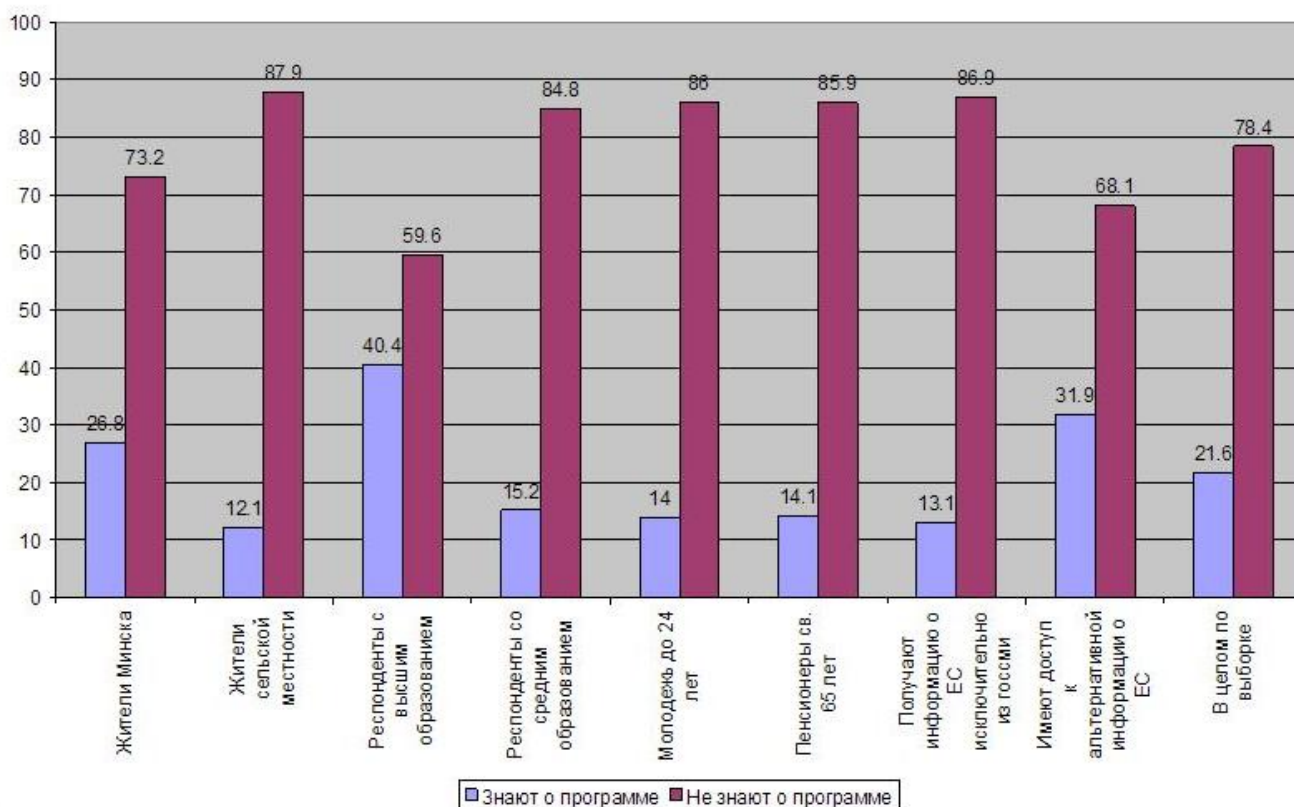

1.4. Восточное партнёрство: «Не слышали, но одобряем!»

О программе ЕС «Восточное партнёрство» (ВП) знает только 21% опрошенных, 78% вообще ничего не знают об этой программе. При этом 30% опрошенных считают, что Беларусь участвует в этой программе, 13% – что не участвует, 56.4% не дали ответа на вопрос. Показательно, что, несмотря на в целом благожелательное отношение официоза к программе, среди тех, для кого источником информации являются исключительно государственные СМИ, слышали о ВП только 13.1% респондентов; среди тех, кто получает информацию о ЕС из альтернативных источников, – 31.9% опрошенных. Среди тех, кто слышал о программе ВП, доминируют респонденты с высшим образованием (40.4%), жители Минска (26.8%) и лица среднего возраста (25.8%).

Осведомленность молодёжи о программе ВП (14.0%) находится на одном уровне с осведомлённостью пенсионеров (14.1%). Среди тех, кто имеет доступ к альтернативным источникам информации, слышали о программе ВП несколько больше, чем по выборке, но всё равно абсолютное меньшинство респондентов (31.6%). Уверенных в том, что Беларусь участвует в ВП, вновь больше среди лиц с высшим образованием (46.5%), жителей Минска и крупных городов (33.8 и 35.5% соответственно), а также лиц, имеющих доступ к альтернативной информации о ЕС (41.8%). Молодёжь и пенсионеры вновь показали примерно одинаковый уровень осведомленности об участии Беларуси в ВП (26.1 и 25.7% соответственно).

Осведомленность о программе Восточного Партнерства ЕС

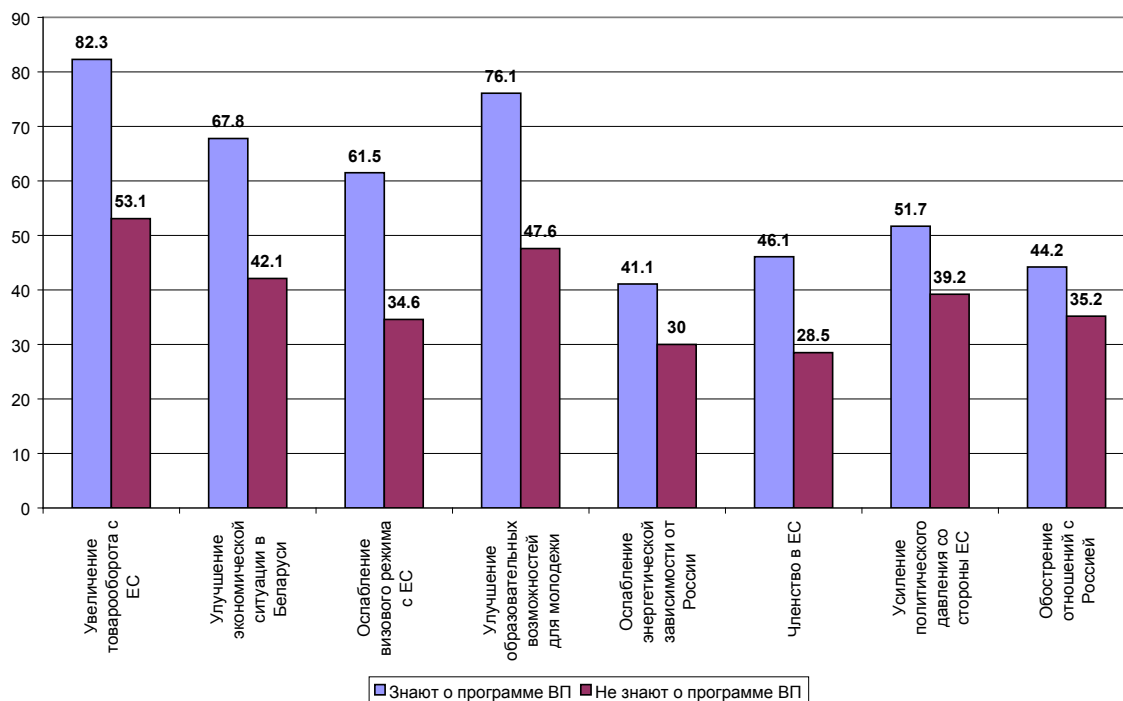
От программы «Восточное партнёрство» население Беларуси ожидает изменений в нескольких направлениях. Так, 59.4% респондентов полностью или скорее уверены в том, что в результате её осуществления произойдёт увеличение товарооборота между Беларусью и странами ЕС; 57.6% ожидают улучшения экономической ситуации внутри Беларуси, не ожидают никаких улучшений 25.6% опрошенных. Ещё одним эффектом программы «Восточное партнёрство», по мнению 40.5% респондентов, является возможная отмена визового режима между Беларусью и Евросоюзом, 28.9% считают это невозможным или маловероятным. Вероятное расширение возможностей для образования молодых людей в Евросоюзе видят 53.6%, не видят таких возможностей – 18% респондентов.

В отношении ослабления энергетической зависимости Беларуси от России, 32.6% считают это возможным или вероятным, 37.6% респондентов придерживаются противоположного мнения. Примерно таким же образом респонденты оценили вероятность вступления Беларуси в Евросоюз (32.2% считают это вероятным, 35.5% – маловероятным или невозможным). Более трети опрошенных считают, что программа «Восточное партнёрство» может способствовать улучшению экономической ситуации в Беларуси, около 20% считают улучшение маловероятным, четверть опрошенных затруднилась оценить вероятность наступления улучшения. При этом около 48.7% респондентов считают, что программа «Восточное партнёрство» может привести к ухудшению отношений между Беларусью и Россией, а 41.9% полагают, что участие в этой программе усилит политическое давление на Беларусь со стороны Евросоюза.

Респонденты – сторонники вступления в ЕС и имеющие доступ к альтернативным источникам информации о ЕС – на 10–20 % чаще, чем в среднем по выборке, склонны ожидать положительных изменений от программы ВП (увеличение товарооборота – соответственно 73.1 и 66.8% против 59.5% по выборке; общее улучшение экономической ситуации – 65.6 и 57.4% против 47.6%; ослабление визового режима – 58.6 и 50.6% против 40.5%; ослабление энергетической зависимости от России – 45.3 и 39.1% против 32.6%; улучшение возможностей для образования – 68.6 и 63.6% против

53.6% по выборке). При этом сторонники вступления в ЕС и имеющие доступ к альтернативным СМИ не отличаются от «среднего» респондента в оценке негативных последствий ВП (ожидают усиления политического давления на Беларусь 39.6% еврооптимистов и 40.4% осведомленных против 41.8% по выборке, ухудшения отношений с Россией – соответственно 41.7 и 39.9% против 37.3% по выборке).

Ожидания от программы "Восточное партнерство"

Социально динамичные группы населения (молодёжь, образованные, минчане) несколько больше, чем в среднем по выборке, ожидают подвижек в визовом режиме, вступления Беларуси в ЕС и улучшения возможностей для образования, при этом различия в экономических ожиданиях от ВП между социальными группами минимальны. Осведомлённые о программе ВП склонны ожидать как положительных, так и отрицательных изменений на 10–15% чаще, чем в среднем по выборке.

В целом, **можно сделать вывод, что белорусы несколько более благосклонно оценивают экономические перспективы ВП, чем членства в ЕС.** С одной стороны, это может быть причиной того, что в Беларуси программа «Восточное партнёрство» пока не получила «плохой прессы» (разве что со стороны нескольких сайтов оппозиционных партий); с другой стороны, ВП с его низким уровнем обусловленности представляется как «синица в руках» по сравнению с «журавлём в небе» (членство в ЕС), которого ещё нужно словить, приложив максимум усилий.

1.5. Санкции и их отмена: власть переиграла ЕС в информационной войне

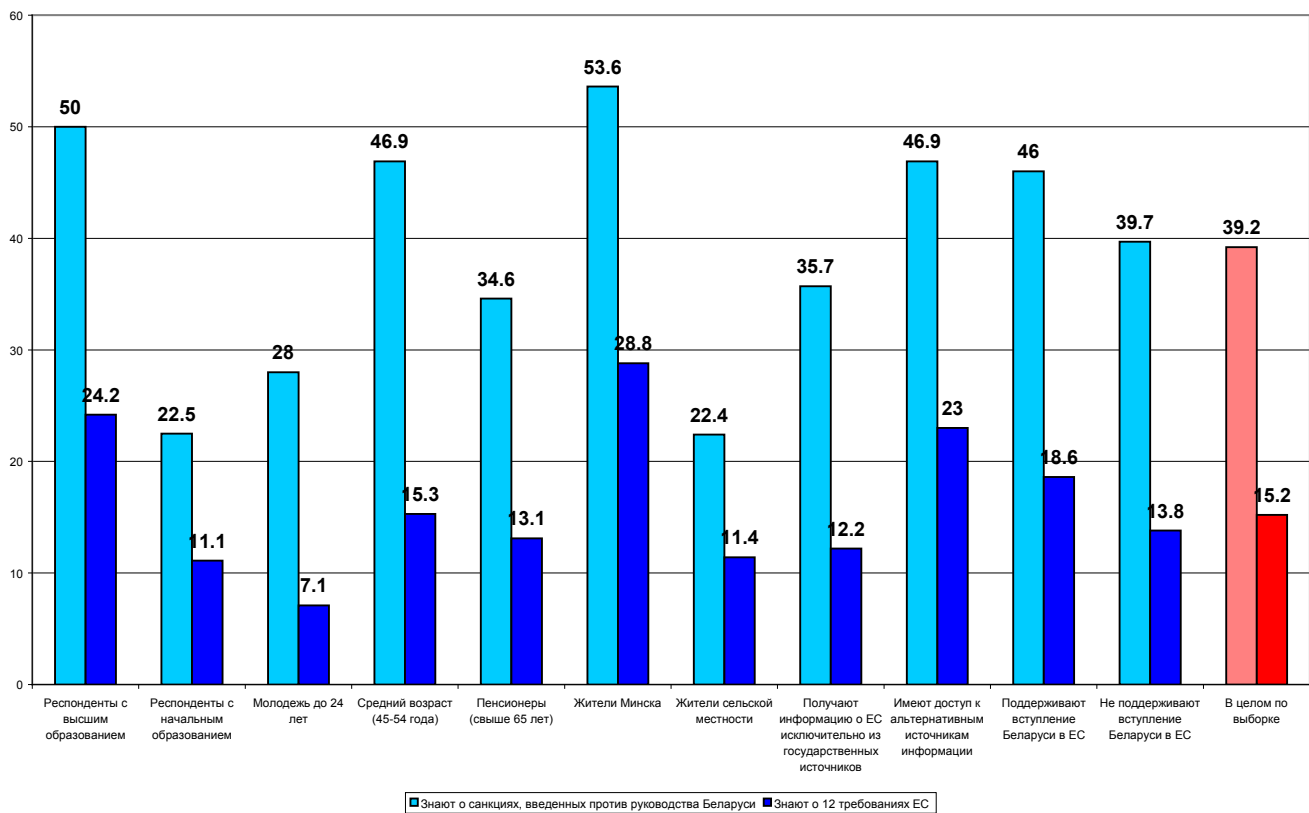
Действия, предпринимавшиеся ЕС в отношении официального Минска, в основном «обошли» стороной белорусское общество, которое в большинстве своём осталось в неведении как о санкциях, так и о требованиях, выдвигаемых ЕС в отношении Беларуси. Так, 60% респондентов ничего не знают о санкциях, введённых Евросоюзом в отношении белорусских властей. Ещё более важно, что 85% респондентов ничего не знают о двенадцати требованиях, предъявленных Евросоюзом белорусским властям в ноябре 2006 года. **В условиях односторонней интерпретации причин негативных мер, предпринимаемых ЕС, белорусское общество восприняло санкции как элемент давления на страну, а их отмену – как политическую победу власти. Более того, непоследовательность действий Евросоюза разочаровала даже сторонников европейского выбора, которые не**

поверили в официальную причину отмены санкций.

Исследование показало, что доступ к альтернативным источникам информации незначительно повысил осведомлённость о политике ЕС в отношении Беларуси. Знающих о санкциях среди тех, кто получает информацию о ЕС исключительно через государственные СМИ, насчитывается 35.7%, среди тех, кто пользуется альтернативными источниками информации, – 46.9%. Среди тех, кто получает информацию только из государственных СМИ, о двенадцати требованиях ЕС слышали 12.2%, среди получающих информацию из альтернативных источников – 23.0%, то есть меньше четверти. Среди еврооптимистов о санкциях слышали 46%, о двенадцати требованиях – 18.6%, среди евроскептиков – соответственно 39.7 и 13.8%.

О санкциях больше слышали лица с высшим образованием (50%) и среднего возраста (46.9%), чем молодёжь (28%), пенсионеры (34.6%) и малообразованные (22.5%). О двенадцати требованиях что-то слышали респонденты в возрасте 25–34 лет (20.4%), но не молодёжь (7.1%) и пенсионеры (13.1%). Респонденты с высшим образованием (24.2%) несколько лучше осведомлены о двенадцати требованиях, чем респонденты со средним (11.8%) и начальным (11.1%) образованием. Минчане осведомлены о санкциях (53.6%) и двенадцати требованиях (22.4%) лучше, чем жители сельской местности (28.8 и 11.4% соответственно).

Осведомленность о действиях ЕС в отношении Беларуси

Большинство респондентов из тех, кто знает о санкциях (56.4%), уверены, что санкции против руководства Беларуси вводились по причине того, что белорусское руководство проводило независимую внешнюю политику и не подчинялось политическому диктату Западу. В версию ЕС (санкции введены в ответ на нарушение прав человека) поверили 36.7% респондентов. В целом, версия власти достаточно популярна даже среди проевропейских групп. Поразительно, однако, что даже среди тех, кто пользуется альтернативными источниками информации, целых 40.7% уверены, что Беларусь «наказали» за

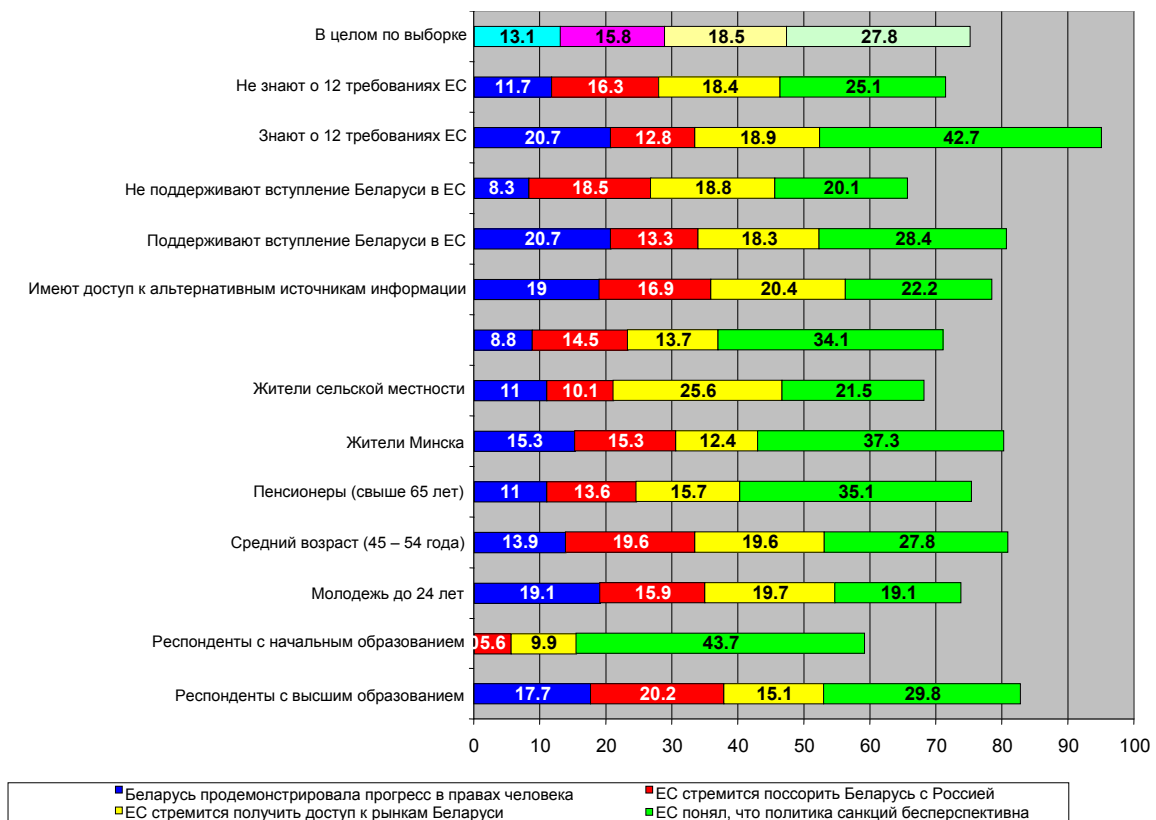
«проведение независимой политики», хотя большинство опрошенных (55.6%), тем не менее, уверены, что санкции – это результат нарушений прав человека в нашей стране.

В версию «наказания» за независимость верят 75.7% противников вступления в ЕС, но и 35.8% его сторонников. В «наказание» за независимость также верят 41.6% минчан и 67.4% жителей сельской местности (в наказание за нарушение прав человека – соответственно 53.1 и 26.1%), 53.5% молодёжи в возрасте до 24 лет и 75.8% – пенсионеров (соответственно 41.9 и 19.7% верят в то, что санкции введены за нарушения прав человека), 46.9% лиц с высшим образованием и 57.6% – средним (соответственно 48.0 и 35.2% связывают санкции с нарушением прав человека).

В целом, белорусское общество восприняло приостановление действия санкций в октябре 2008 года либо как победу Лукашенко над ЕС (28.0% ответили на вопрос о приостановлении санкций в том духе, «что ЕС понял, что политика санкций в отношении Беларуси бесперспективна»), либо как наличие некоего скрытого умысла в действиях ЕС (18.5% решили, что таким образом ЕС решил попытаться получить доступ к белорусским рынкам, 15.8% – что ЕС решил подогреть конфликт между Беларусью и Россией). Лишь 13.0% согласились с версией ЕС, что Беларусь продемонстрировала достаточный прогресс в области прав человека. Заметим, что теории скрытого умысла могли придерживаться как сторонники нынешней власти, для которых вопрос о правах человека не актуален, так и противники, для которых решение ЕС после парламентских выборов сентября 2008 выглядело, по меньшей мере, лицемерным.

В то же время версию о бесперспективности санкций могут поддерживать также оппоненты власти, которые не видят смысла в санкциях. Показательно, что из тех респондентов, которые знали о двенадцати требованиях ЕС, почти половина (42.7%!) заявила, что санкции приостановлены по причине своей бесперспективности. Такого же мнения придерживались лишь 25.1% среди тех, кто не знал о двенадцати требованиях. Иными словами, **осведомлённость о политике ЕС, проводимой в отношении Беларуси, только укрепила респондентов в её бесперспективности.**

Имеющие доступ к альтернативным источникам информации и еврооптимисты несколько чаще, чем в среднем по выборке, склонны верить в официальную версию ЕС (соответственно 19 и 20.7%), версию властей принимают 22.2% информационно продвинутых респондентов и 28.4% еврооптимистов. Среди эксклюзивной аудитории белорусских государственных СМИ и европессимистов поддерживают версию ЕС соответственно 8.8 и 8.5%, версию властей – 34.1 и 33.8%. Заметим, что, несмотря на существующие различия в восприятии причин отмены санкций, большая часть опрошенных, которые выведены из-под «оболванивающего» влияния властей, не склонна принимать версию ЕС о «прогрессе в области прав человека». В то, что санкции приостановлены по причине прогресса в области прав человека, несколько больше склонны верить молодёжь в возрасте до 24 лет (19.1%), лица с высшим образованием (17.7%) и минчане (15.3%). При этом 37.3% минчан и 29.8% лиц с высшим образованием принимают версию властей о бесперспективности санкций. В то, что ЕС позарез нужны белорусские рынки, больше всего верят жители села (25.6%) и респонденты со средним специальным образованием (22.4%); в разогревании конфликта с Россией чаще всего подозревают ЕС жители городов до 50 тыс. чел. (29.9%), респонденты в возрасте от 45 до 54 лет (19.6%) и, как ни странно, респонденты с высшим образованием (20.2%).

Таким образом, **можно констатировать неудачу коммуникационной политики ЕС в отношении белорусского общества** (если такая политика вообще имела место быть). Иное дело, возможна ли в принципе эффективная коммуникационная стратегия, в то время когда граждане, особенно «продвинутые» и динамичные (молодые и образованные жители больших городов), всё больше отдают предпочтение сетевым и децентрализованным источникам информации.

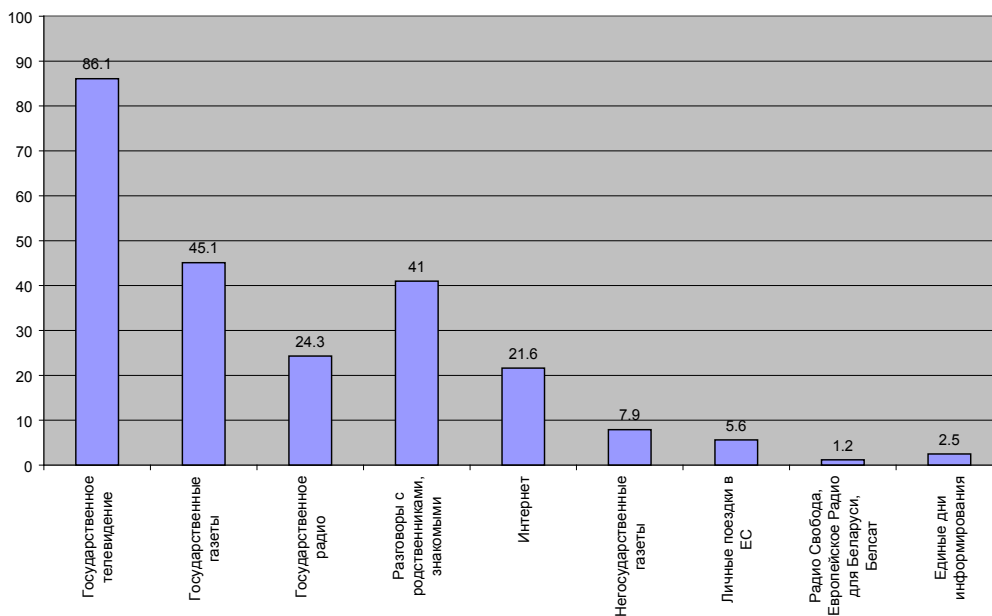
1.6. Геополитический вектор: своими глазами и через призму СМИ

Вопрос, может ли геополитический выбор белорусов измениться за счёт действий извне, сводится к двум аспектам. Во-первых, речь идёт о доступе к источникам альтернативной информации, во-вторых, о возможностях для граждан Беларуси «увидеть» жизнь в странах ЕС своими глазами. Что касается доступа к СМИ в независимых сообществах Беларуси, то здесь существует мнение, что распространённость

антиевропейских настроений – это следствие «оболванивания» граждан средствами государственной пропаганды.

Государственные средства массовой информации, действительно, предсказуемо являются для белорусов главным источником информации о жизни и событиях в ЕС. Так, 86.1% получают информацию из программ государственного телевидения, 46.1% – государственных газет, 24.3% – от государственных радиостанций. Информационные альтернативы представлены интернетом (24.3%), негосударственной прессой (7.9%). «Внешние» электронные СМИ (радио «Свобода», «Европейское радио», телеканал «Белсат») являются источниками информации лишь для 1.2% респондентов. Как отдельную категорию источников выделим социальные сети и каналы народной дипломатии – беседы с родственниками и друзьями (41% респондентов заявили, что обсуждают с близкими людьми события в ЕС) и личный опыт пребывания в ЕС (5.6%).

Из каких источников Вы получаете информацию о ЕС?

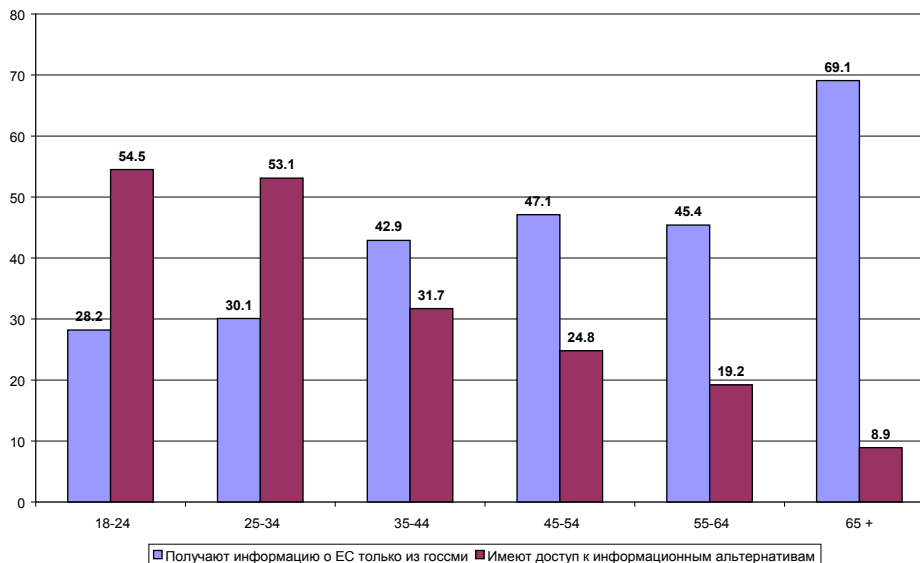

Нами зафиксированы огромные разрывы в практиках потребления информации разными слоями белорусского общества. В целом, 44.2% респондентов не имеют НИКАКИХ иных источников информации о ЕС, кроме государственных, и ещё для 23.8% опрошенных таким единственным источником выступают социальные сети. Информационные альтернативы (интернет, независимая пресса, «голоса») доступны лишь для 32% респондентов. Даже в Минске для 49.8% респондентов государственные СМИ – единственный источник информации, и только 41% опрошенных имеют доступ к альтернативным СМИ (на селе – соответственно 49.0 и 19.0%). В наибольшей степени информационная блокада прорвана в малых городах (государственные СМИ как единственный источник информации назвали 20.8%, доступ к альтернативным информационным источникам имеют 44.2% опрошенных). Государственные СМИ являются единственной альтернативой для 20% молодёжи до 24 лет и 69.5% пенсионеров в возрасте от 65 лет и выше. Доступ к альтернативным информационным источникам имеют 54.5% респондентов в возрасте до 24 лет и 53.0% – от 25 до 34 лет; дальше происходит резкое снижение этого показателя (только 31.8% респондентам в возрасте от 35 до 44 лет доступны альтернативные СМИ).

Заметим, что место жительства теряет своё значение как фактор доступа к альтернативной информации. Если сёла и посёлки городского типа в основном остаются вне зоны доступа альтернативных источников информации, то информационные возможности средних и малых городов уже сравнимы с таковыми в Минске. Заметим, что огромное количество респондентов в Минске находятся вне зоны действия

как альтернативных СМИ, так и социальных сетей. В этом плане население столицы уже «догоняет» жителей сельской местности, что даёт обильную пищу для размышлений о природе «городской» жизни в белорусской столице.

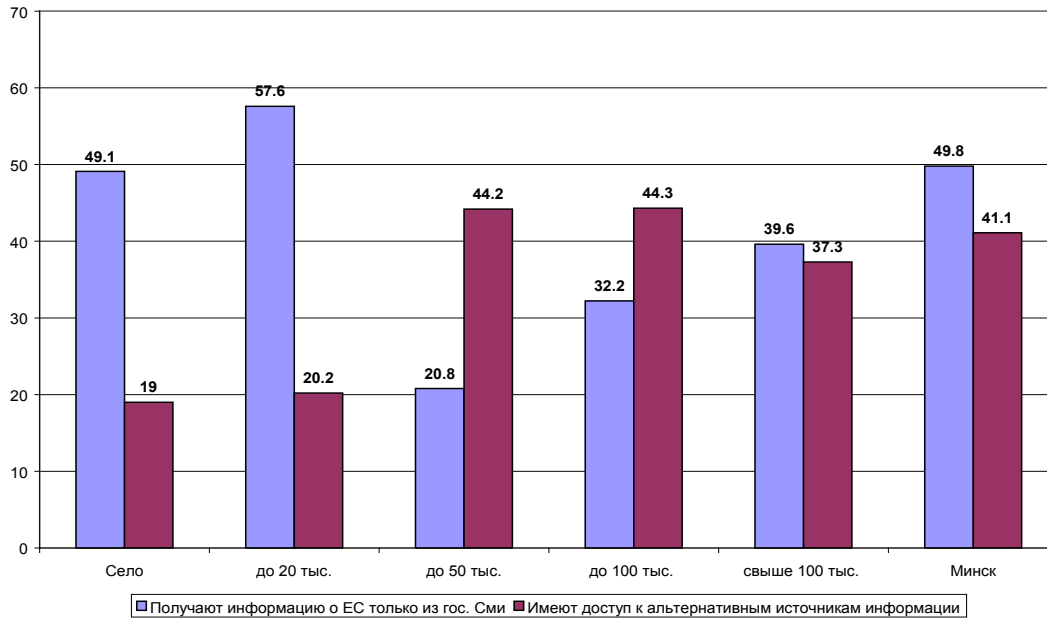
Источники информации о ЕС в зависимости от возраста

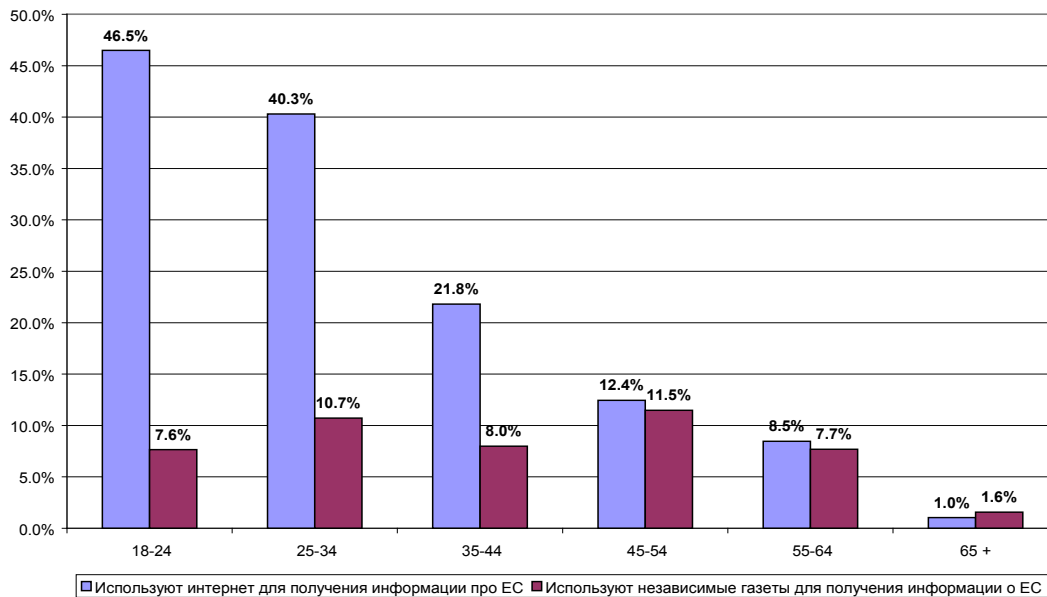
Говоря об альтернативных источниках информации, отметим **минимальную роль «внешних» средств массовой информации (радиостанций и телеканала «Белсат») в качестве факторов создания общественного мнения о Евросоюзе** (хотя данные СМИ могут оправдываться тем, что они также существуют в качестве интернет-игроков). Примечателен и тот факт, что **проводимые НГО кампании ни одним респондентом в выборке не названы в качестве источников информации о ЕС**. Что касается негосударственных газет и интернета, отметим, что эти медиа имеют принципиально разную аудиторию: если интернет уже доминирует в качестве информационной альтернативы среди молодёжи и его использование стремительно снижается с возрастом, то независимые газеты имеют примерно одинаковый процент аудитории среди всех возрастных групп, кроме респондентов старше 65 лет. Поэтому аудитория независимых газет несколько более консервативна, что несколько не свидетельствует о неэффективности их воздействия на массовое сознание. Отметим также, что интернет уже обгоняет СМИ (исключая газеты) в качестве информационной альтернативы во всех возрастных категориях. Нет оснований думать, что эта тенденция не усилится в будущем.

Геополитические ориентации аудитории государственных средств массовой информации в целом находятся в русле «мейнстрима» белорусского общества в целом, причём нельзя сказать, что указанные средства массовой информации жёстко формируют эти ориентации. Среди тех, кто узнаёт о событиях в ЕС в основном из государственных СМИ (телевидение и газеты), процент проголосовавших бы «за» и «против» на гипотетическом референдуме по вступлению в ЕС примерно равен общенациональному показателю (соответственно 35.0 против 36.2 для телевидения и 35.8% против 32.7% для газет при среднем показателе по стране 37 против 33%). Однако эксклюзивная аудитория государственных СМИ намного более консервативна, чем в целом по стране. Так, за вступление в ЕС проголосовали бы только 26.9% тех, для кого государственные СМИ являются единственным источником информации о ЕС, и 67.3% тех, кто пользуется информационными альтернативами. Безусловно, практики потребления информации являются функцией социального динамизма респондентов.

Доступ к альтернативным источникам информации в зависимости от места жительства

Использование альтернативных источников информации о ЕС в зависимости от возраста

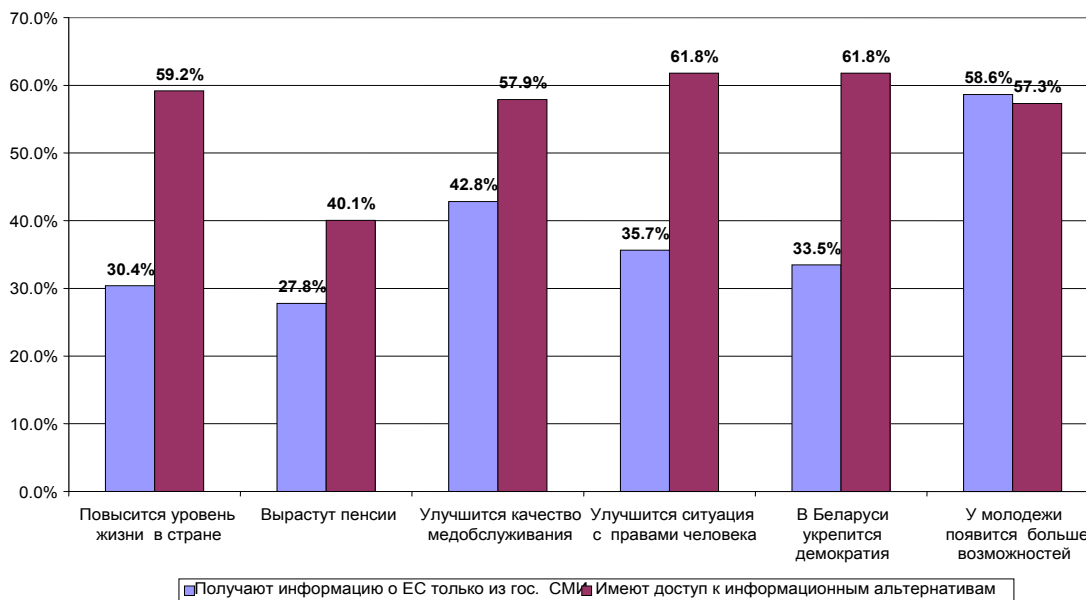
Однако говорить об отсутствии медиа-эффекта также не приходится. Здесь важно правильно расставить акценты: имеет значения не сам факт того, что респондент смотрит программы белорусского телевидения, а то, насколько информация государственных СМИ уравнивается альтернативной информацией. Измеряемый именно таким образом медиа-эффект наиболее очевиден в выборе геополитических альтернатив, который определяется в первую очередь социальной динамичностью респондента.

В зависимости от практик потребления информации в каждой из трех групп (государственные СМИ, государственные СМИ + сети, доступ к альтернативным источникам информации) поддержка вступления в ЕС возрастает обратно пропорционально возрасту респондента. Однако с расширением доступа к альтернативным СМИ уровень поддержки в каждой из возрастной групп возрастает на 20–30%!

Так, среди молодёжи до 24 лет только 37.7% из тех, кто не имеет доступа к альтернативным информационным источникам, проголосовали бы за вступление в ЕС, в то время как из тех, для кого они доступны, – 76.7%. Среди лиц до 44 лет соответствующие цифры – 30.9 и 66.0%, от 65 лет – 12.9 и 23.6%. Отметим особенно сильное трансформационное воздействие доступа к независимым источникам информации на самых молодых белорусов – по своим предпочтениям молодой человек, не имея доступа к интернету, ничем не отличается от среднестатистического белоруса.

На самом деле респонденты, имеющие доступ к альтернативным информационным источникам, и те, которые пользуются исключительно государственными СМИ в качестве источника информации, радикально разошлись только в вопросе ожидания улучшения уровня жизни после вступления в ЕС. Такого улучшения ожидали бы 30.6% тех, кто подвержен монопольному влиянию государственных СМИ, и 59.2% тех, кто имеет доступ к информационным альтернативам. Однако разрывы существенно сокращаются, например, в ожиданиях улучшения пенсионного обеспечения (27.8 и 40.1% соответственно) или качества здравоохранения (42.9 и 57.9%).

Оценка возможных положительных последствий вступления Беларуси в ЕС в зависимости от доступа к информационным альтернативам (Вопрос: «Предположим, Беларусь стала членом ЕС. Насколько вероятно в результате этого...»)

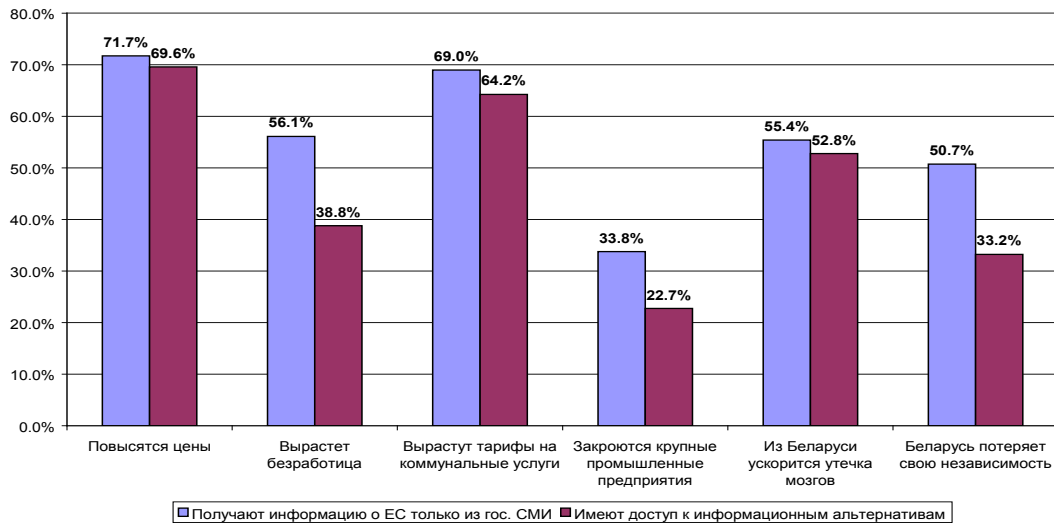

В то же время имеющие доступ к альтернативным информационным источникам и лишённые такового демонстрируют удивительную солидарность в оценке возможных негативных последствий вступления в ЕС: Так, повышения цен ожидают 71.9% неимеющих доступа к альтернативным СМИ и 69.5% тех, для кого такой доступ открыт, повышения коммунальных тарифов – соответственно 68.9 и 64.2%, и только в ожиданиях роста безработицы снова наблюдается некоторый разрыв в предпочтениях (роста безработицы ожидают 56.3% из тех, кто не имеет доступа к альтернативным источникам информации, и 38.8% из тех, кто его имеет).

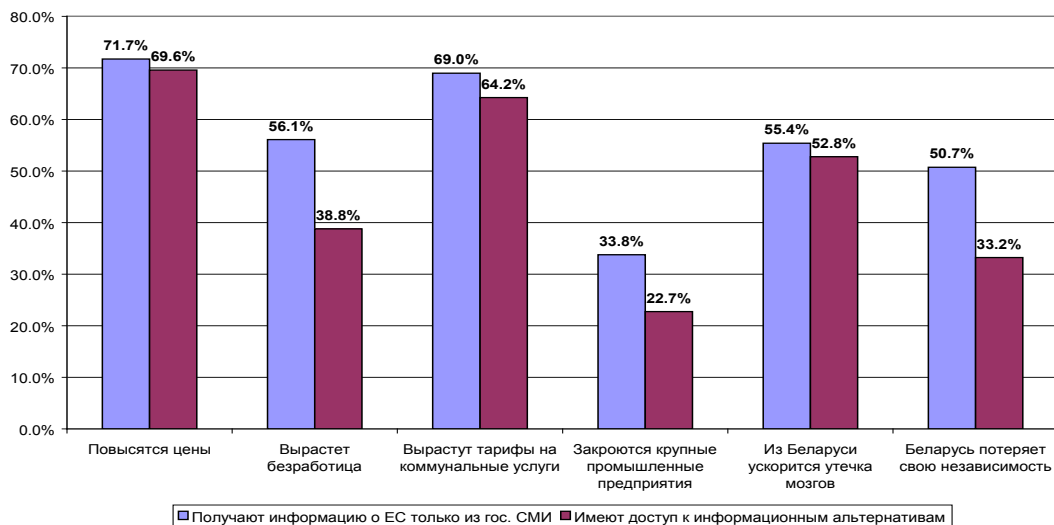
Геополитические ориентации аудитории государственных средств массовой информации в целом находятся в русле «мейнстрима» белорусского общества в целом, причём нельзя сказать, что указанные средства массовой информации жёстко формируют эти ориентации. Среди тех, кто узнаёт о событиях в ЕС в основном из государственных СМИ (телевидение и газеты), процент проголосовавших бы «за»

и «против» на гипотетическом референдуме по вступлению в ЕС примерно равен общенациональному показателю (соответственно 35.0 против 36.2 для телевидения и 35.8% против 32.7% для газет при среднем показателе по стране 37 против 33%). Однако эксклюзивная аудитория государственных СМИ намного более консервативна, чем в целом по стране. Так, за вступление в ЕС проголосовали бы только 26.9% тех, для кого государственные СМИ являются единственным источником информации о ЕС, и 67.3% тех, кто пользуется информационными альтернативами. Безусловно, практики потребления информации являются функцией социального динамизма респондентов.

Оценка отрицательных последствий от вступления в ЕС в зависимости от доступа к информационным альтернативам (Вопрос: "Предположим, Беларусь стала членом ЕС. Насколько вероятно, что в результате этого...")

Оценка отрицательных последствий от вступления в ЕС в зависимости от доступа к информационным альтернативам (Вопрос: "Предположим, Беларусь стала членом ЕС. Насколько вероятно, что в результате этого...")

Таким образом, мы рекомендуем **быть осторожными в оценке влияния государственных СМИ на геополитический выбор белорусов. Особенность государственной пропаганды состоит в том, что наряду с откровенно пристрастными суждениями подаются и вполне объективные факты о трудностях жизни в ЕС**, которые можно без труда найти и в альтернативных источниках

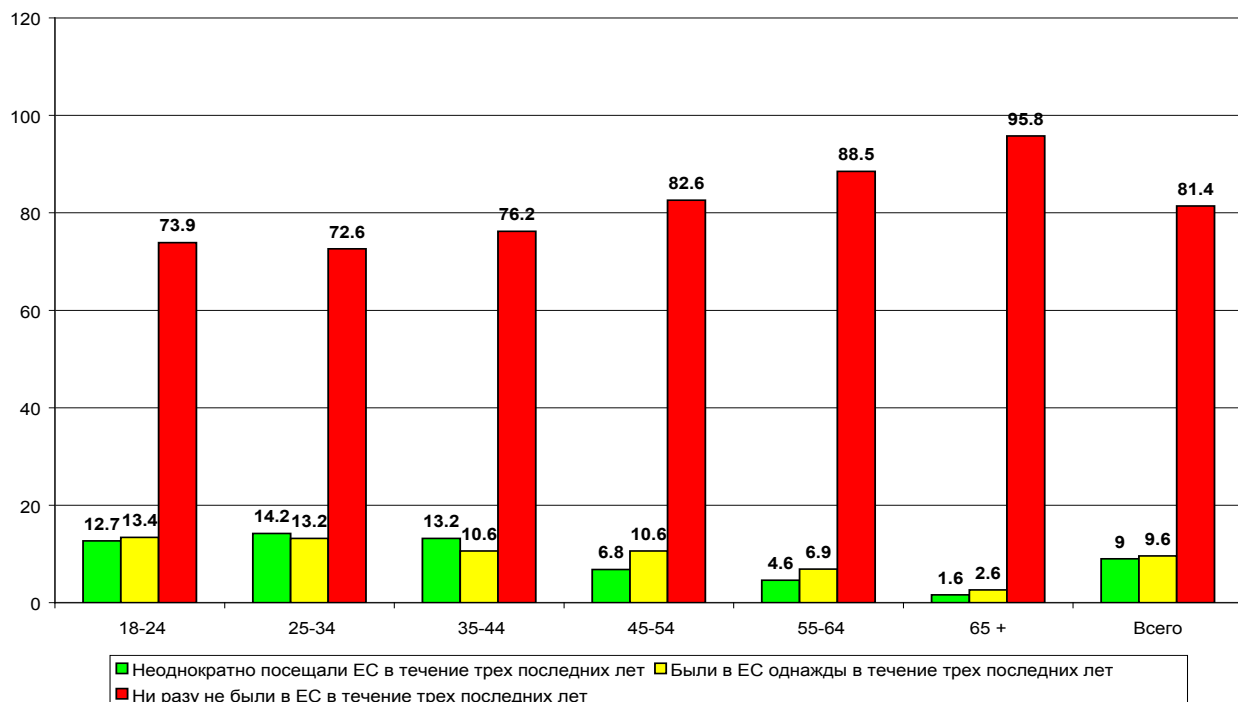
информации о ЕС. Утверждать в такой ситуации, что **государственные СМИ «постоянно врут» или «оболванивают» население – значит создавать предлог для обвинения самого себя в необъективности.**

1.7. Европейский выбор: имеют ли визы значение?

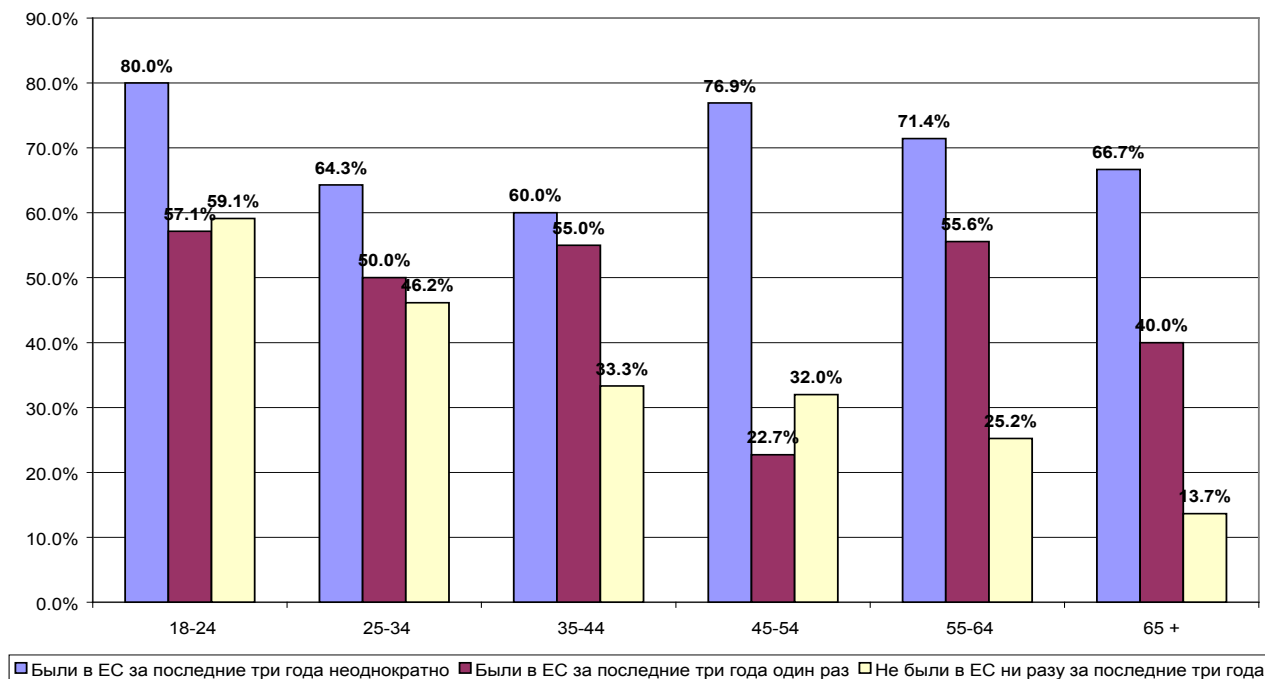
Взаимосвязаны ли возможность беспрепятственного посещения ЕС и геополитический выбор? Этот вопрос особенно актуален для белорусских НГО, ведущих кампании за ослабление визового режима с ЕС. Такие кампании зачастую наталкиваются на непонимание со стороны европейских чиновников и парламентариев, заявляющих, что дешёвые и лёгкие визы для белорусов – это поощрение режима Лукашенко. В другой интерпретации оппоненты дешёвых виз заявляют, что не собираются делать жизнь при диктатуре слишком удобной для белорусов. Такие же суждения можно услышать от некоторых оппозиционных политиков – они выступают против дешёвых и легкодоступных виз для тех, кто спокойно относится к политическим репрессиям в своей стране. Наши данные однозначно показывают, что **сужение возможностей для свободных путешествий в ЕС однозначно ведёт к росту проевропейских настроений в Беларуси и соответственно – расширению социальной базы сторонников перемен.**

Отметим, что за последние три года «неоднократно» и «один раз» ЕС посещали соответственно 9.0 и 9.6% электората. Среди молодёжи до 24 лет в ЕС ни разу не были 73.9% респондентов, что примерно соответствует показателю в группе среднего возраста 35–44 лет (76.2%). Взаимосвязь между частотой посещения ЕС и европейским выбором очевидна: среди тех, кто за последние три года неоднократно посещал страны в ЕС, голосовали бы «за» вступление в ЕС 68.4% (почти в два раза больше, чем в среднем по выборке), среди тех, кто посетил один раз, – 46.1%, среди тех, кто ни разу не пересекал границы ЕС, – 33.4%, что несколько меньше среднего показателя по выборке.

Частота посещения в ЕС в зависимости от возраста

Поддержка вступления в ЕС в зависимости от частоты посещения ЕС (контроль по возрасту респондента)

Заметим, что поскольку поездки за границу являются лишь одним из факторов социальной динамичности, трансформационное значение личного посещения ЕС (равно как и либерализации визового режима) может быть оспорена: в ЕС в первую очередь ездит молодёжь, которая и так в большинстве своём выступает «за» вступление в ЕС. Мы проконтролировали уровень поддержки интеграции с ЕС в различных возрастных группах в зависимости от уровня образования (см. диаграмму ниже) и обнаружили, что во всех возрастных группах частое посещение ЕС приводит к росту поддержки евроинтеграции минимум на несколько десятков процентов!

Таким образом, в Беларуси ресурс увеличения поддержки европейской ориентации в первую очередь заключается в ослаблении «визового барьера» между ЕС и Беларусью. Заметим, что этот ресурс в наибольшей степени действен для изменения сознания представителей старшего поколения, отличающихся особым консерватизмом и антиевропейскими настроениями. Конечно, даже при полной либерализации визового режима чуда ожидать не следует – достаточно сказать, что «очень важно» иметь возможность для беспрепятственного перемещения по ЕС для 38.1% белорусов (в том числе 71.2% – для молодёжи, 30.1% – для лиц среднего возраста от 45 до 54 лет, 9.9% – для пенсионеров старше 65 лет); «совсем не важно» – для 27.5% (7.1, 27.3 и 63.4% соответственно для молодёжи, лиц среднего возраста и пенсионеров).

Однако не следует сомневаться, что в случае реального облегчения визового режима количество поездок в ЕС многократно увеличится (так же, как оно резко снизилось в результате ужесточения визового режима в 2007 году). Следовательно, потенциал воздействия «открытых дверей» на массовое сознание, даже с учётом некоторой «домоседчивости» белорусов, остаётся невероятно огромным. **Заметим, что трансформационный потенциал свободного перемещения наиболее выражен для респондентов, неоднократно посещавших ЕС, что подчёркивает важность облегчения доступа к многократным визам!**

ГЛАВА 2. БЕЛОРУСЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОСОЮЗОМ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР ПО «ГАМБУРГСКОМУ СЧЁТУ»

Белорусы разделились по поводу выбора «внешнего вектора» развития страны, хотя «пророссийский» вектор находит несколько большую поддержку. В выборе геополитических альтернатив и пророссийская и проевропейская части белорусского общества руководствуются преимущественно прагматичными экономическими соображениями, а именно – насколько выбор друзей и партнёров может способствовать улучшению благосостояния самих белорусов. Однако образовательные и культурные факторы, равно как и практики потребления информации респондентами, оказывают сильное влияние на саму оценку благ и преимуществ того или иного пути развития.

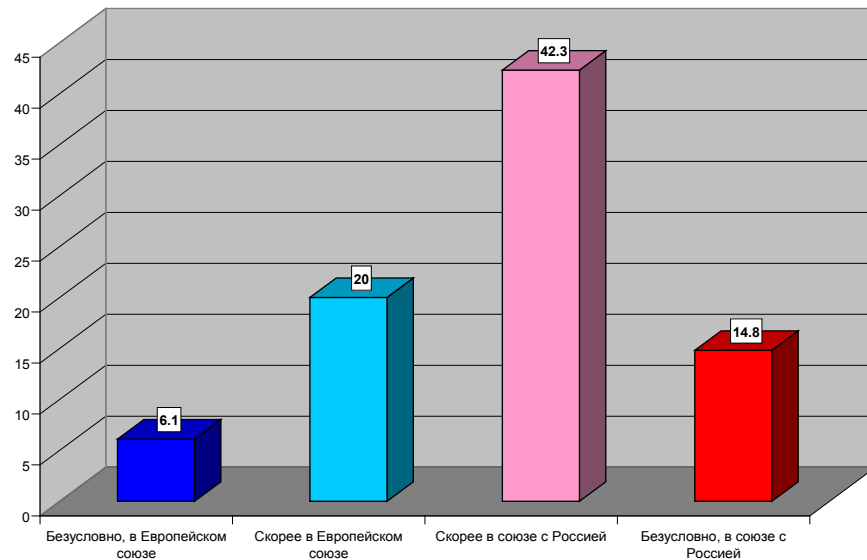
Данные, полученные в исследовании «Беларусь и мир», подтверждают основные параметры геополитических ориентаций белорусов, установленные исследованиями других независимых центров, а именно:

- **сохраняется «биполярность» геополитических ориентаций белорусов с определённым преобладанием «пророссийского» вектора.** Между тем количество тех, кто голосовал бы «за» и «против» вступления Беларуси в ЕС на гипотетическом референдуме, примерно одинаково с некоторым преобладанием положительных ответов (37% голосуют «за» вступление в ЕС и 33% – «против» такового);
- **в выборе геополитических альтернатив главенствуют экономические соображения** среди как «пророссийски», так и «провропейски» ориентированных белорусов, причём среди последних – даже в большей степени. Единственное соображение, имеющее значительное влияние на выбор альтернатив – вопрос безопасности, – в наибольшей степени влияет на сторонников независимой Беларуси, не вступающей ни в какие альянсы. Таким образом, «ценностные» увещания сторонников «пути в Европу» (разговоры о демократии, безопасности, национальной независимости) «удобряют» не вполне благодатную почву;
- наш анализ показывает, **что у некоторой части «пророссийски» настроенных респондентов отсутствует устойчивое негативное восприятие ЕС и они могут поддержать «европейский вектор» в определённом политическом и информационном контексте.** Респонденты, ориентированные на «одновременный» союз с Россией и ЕС, не рассматривают эти альтернативы как антагонизмы, между которыми необходимо делать жёсткий выбор. Следовательно, позиционирование европейского выбора как «антироссийского» сужает социальную базу сторонников «пути в Европу».

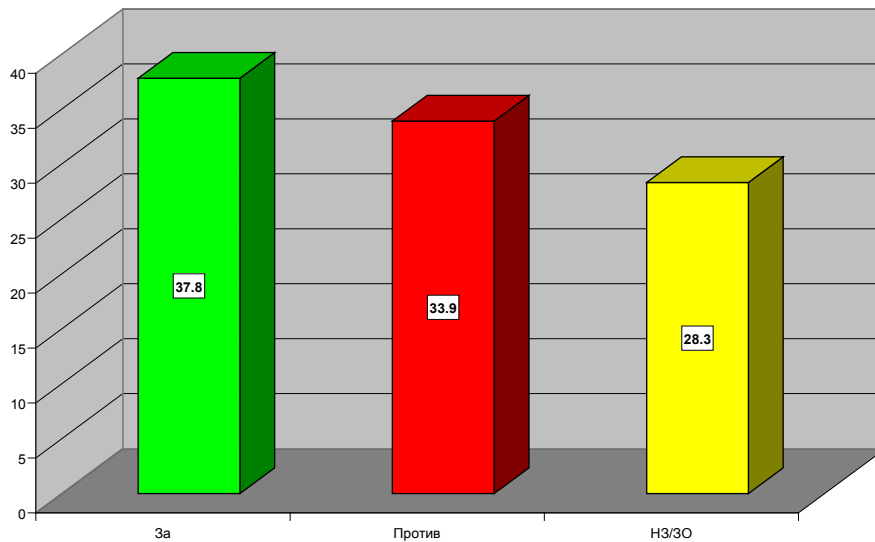
2.1. Базовая ориентация: пророссийский выбор с европейским душком?

В целом, в «жёстком выборе» между двумя альтернативами (Россия и ЕС) белорусы всё же тяготеют к пророссийской доминанте. Прежде чем рассуждать о причинах этого тяготения (экономическая и культурная детерминация выбора подробно анализируется на протяжении всего исследования), заметим, что в ответах на вопрос: «На ваш взгляд, в каком союзе государств было бы лучше жить народу Беларуси?» – доминируют ответы с добавлением слова «скорее» («скорее» в союзе с ЕС или «скорее» в союзе с Россией), что скорее свидетельствует о неустойчивости как пророссийского, так и проевропейского выбора. Поэтому не должен вызывать удивление и тот факт, что в вопросе о членстве Беларуси в ЕС доминируют, хотя и с небольшим перевесом, уже сторонники присоединения Беларуси к Евросоюзу.

На Ваш взгляд, в каком союзе белорусскому народу было бы лучше жить?

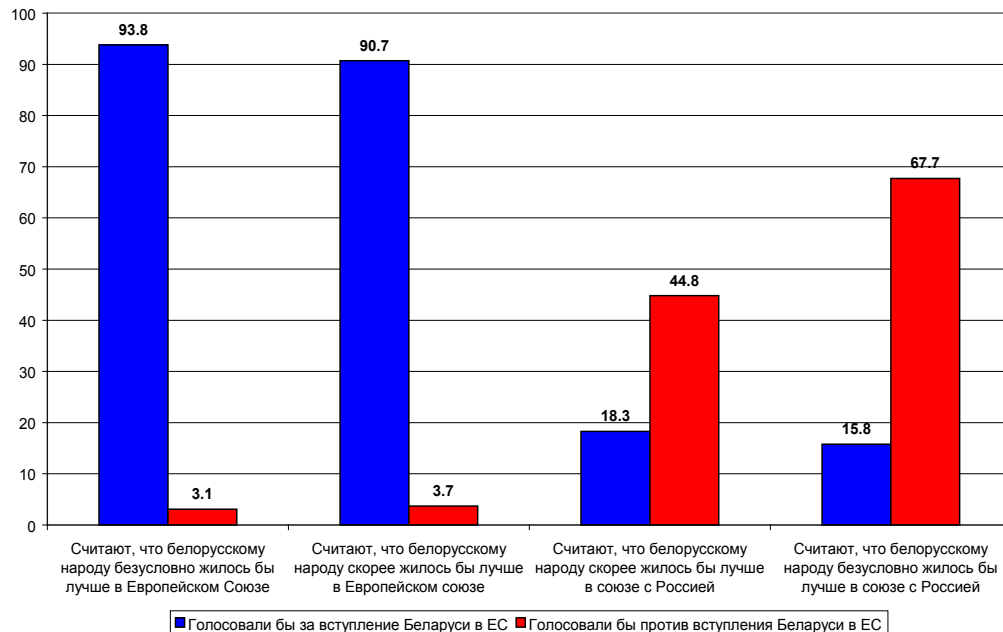

Если бы завтра был референдум о вхождении Беларуси в Европейский союз, Вы бы проголосовали...

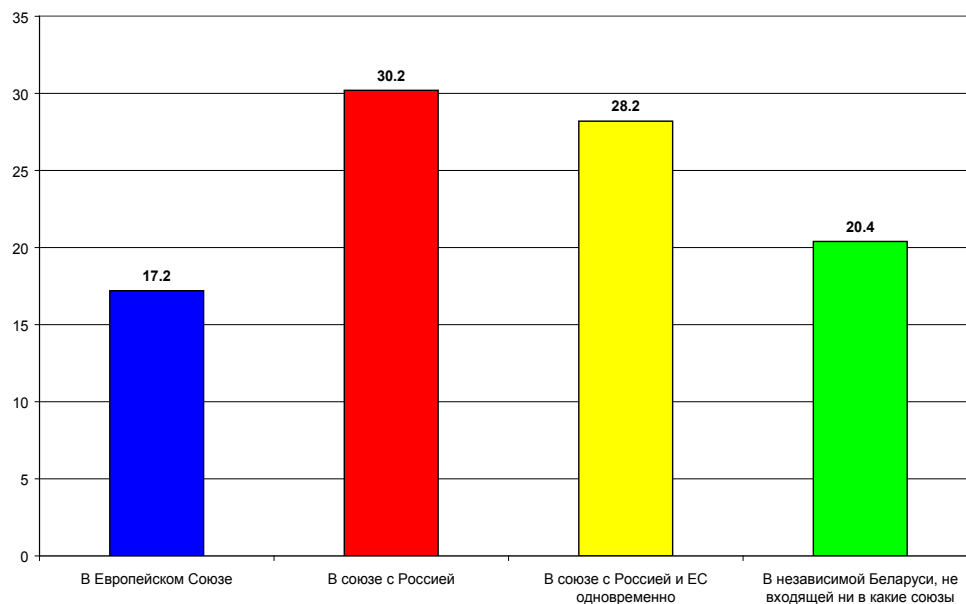
Сравнив и сопоставив ответы на два вопроса, мы можем наблюдать достаточно любопытную картину. Респонденты, безусловно уверенные и склоняющиеся к тому, что белорусам было бы лучше жить в союзе с ЕС, практически в полном составе проголосовали бы за вступление в Евросоюз. Однако достаточное количество потенциально голосующих за вступление в ЕС представлено и среди тех, кто верит, что белорусам «скорее» или «безусловно» жилось бы лучше в союзе с Россией. Причём среди респондентов, «скорее» предпочитающих Россию, против ЕС проголосовало бы меньше половины. Таким образом, **доминирующая группа белорусского общества, склоняющаяся к союзу с Россией, наиболее подвержена информационному манипулированию, следовательно, её выбор легко можно изменить за счёт проведения небольшой пропагандистской кампании.**

(Не)устойчивость геополитического выбора белорусов

При выборе из четырех геополитических альтернатив (союз с ЕС, союз с Россией, союз с ЕС и Россией одновременно и независимая Беларусь, не входящая ни в какие союзы) белорусы вновь демонстрируют некоторое тяготение к «российскому» выбору.

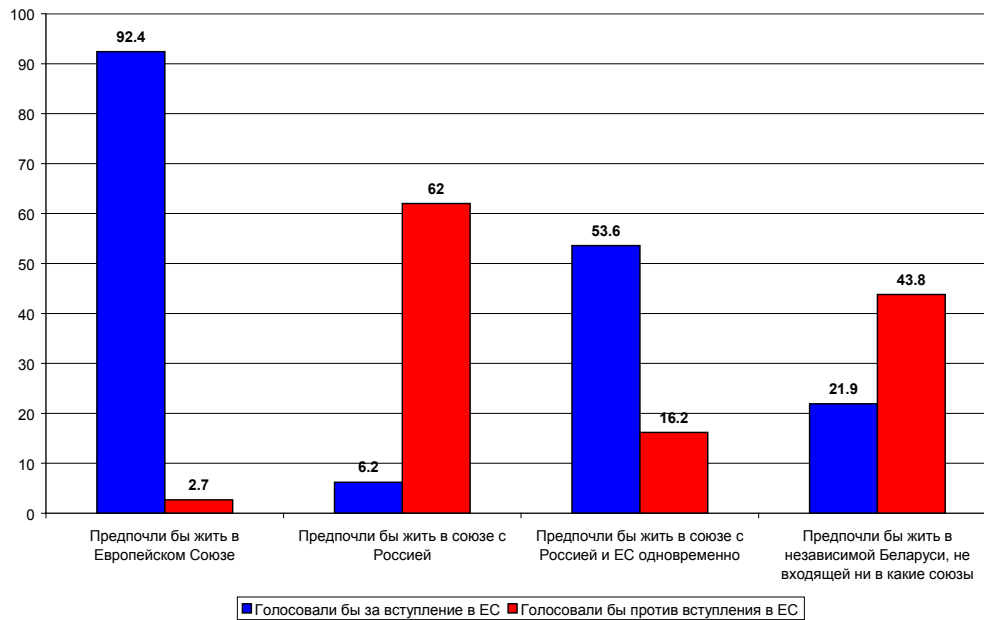
Выбор из четырех геополитических альтернатив (вопрос: "Вы предпочли бы жить...")

Однако заметим, что по социокультурному типу сторонники союза с Россией и ЕС схожи с приверженцами «чистого» европейского выбора, а сторонники автаркии – с теми, кто однозначно предпочёл бы союз с Россией. Это подтверждает и тот факт, что сторонники одновременного союза с Россией и ЕС в большинстве проголосовали бы «за» вступление Беларуси в ЕС. Таким образом, можно говорить о

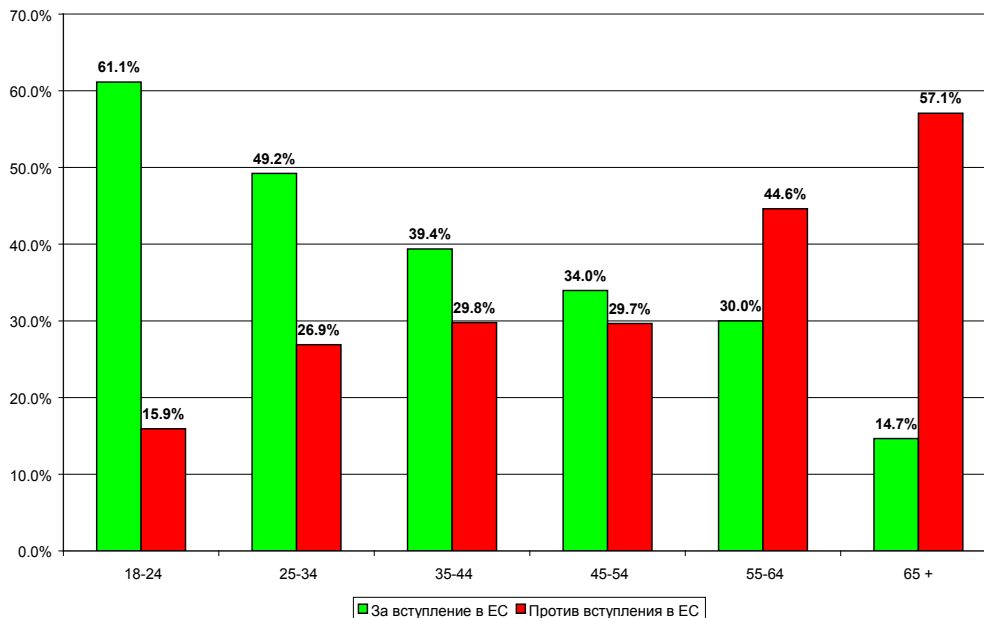
примерном паритете «либеральных» (союз с ЕС вместе с Россией или без неё) и «лукашенковских» (союз с Россией или полностью независимая Беларусь) предпочтений.

Голосование "за" членство в ЕС в зависимости от геополитического выбора

2.2. Геополитический выбор predetermined социальной динамичностью респондента

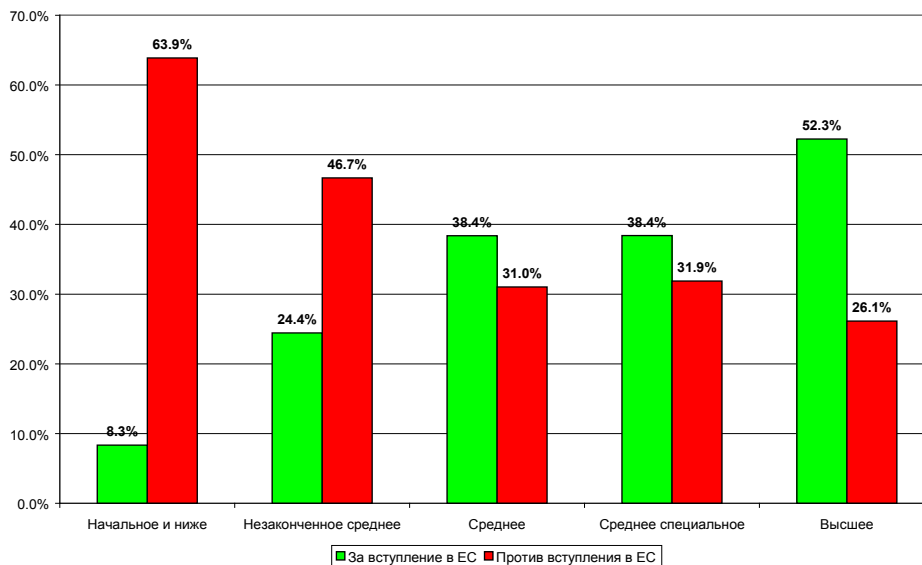
Поддержка вступления в ЕС в зависимости от возраста

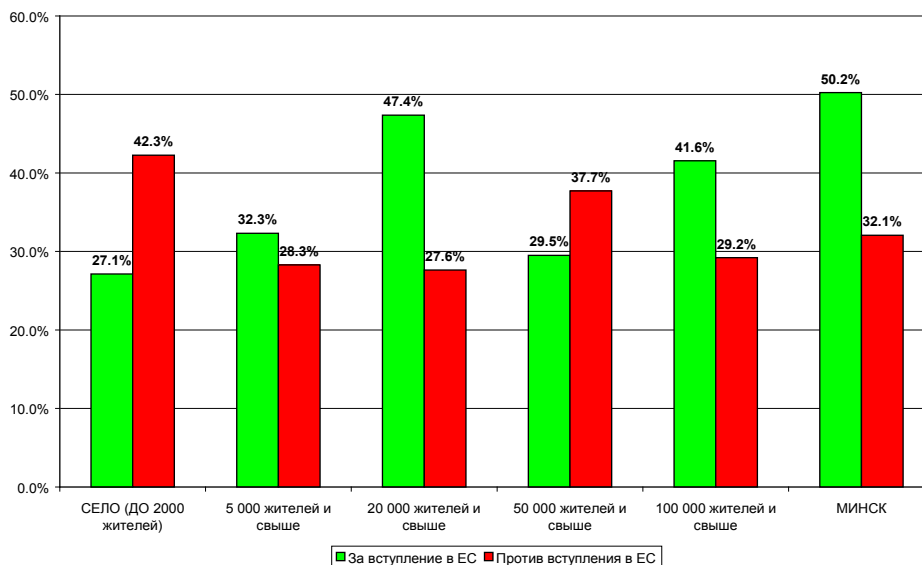
Достаточно предсказуемо, что среди наибольших «евроэнтузиастов» в Беларуси доминирует молодёжь (61.1% респондентов в возрасте до 24 лет голосовали бы «за» вступление Беларуси в ЕС против 14.7% – среди респондентов старше 65 лет). Медианный возраст – категория от 35 до 44 лет: именно в этой

категории «роевропейская» доминанта меняется на пророссийскую (иными словами, в группах, старше этой возрастной категории, пророссийские настроения повышаются, проевропейские – ослабевают). Отношения иных социальных и профессиональных групп примерно повторяют тенденцию твёрдой пророссийской ориентации «отсталых» групп населения при некотором доминировании проевропейских настроений у «продвинутых». Чуть больше половины (52.3%) респондентов с высшим образованием голосовали бы «за» вступление в ЕС (против – 26.1%), среди лиц с начальным образованием разрыв более очевиден (8.3% «за» и 63.9% «против» вступления в ЕС).

Поддержка вступления в ЕС в зависимости от уровня образования

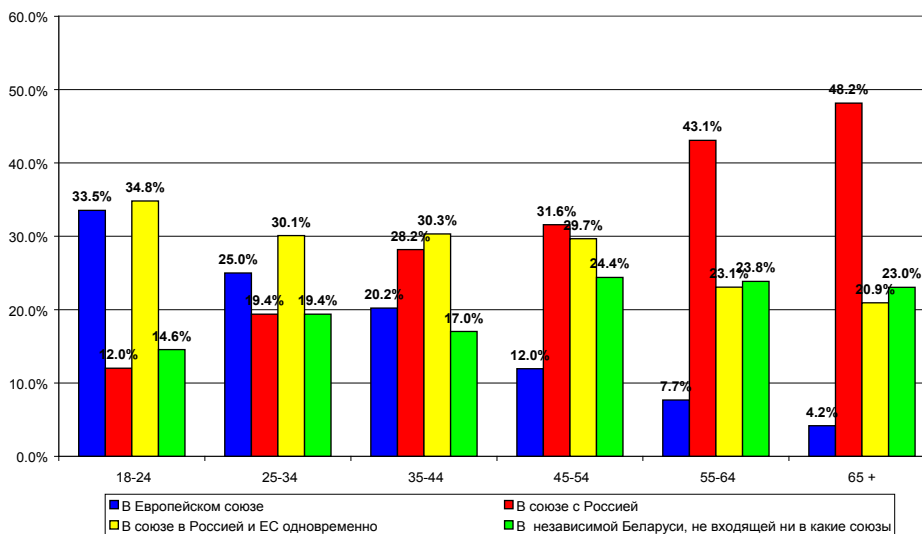
Поддержка вступления в ЕС в зависимости от места жительства

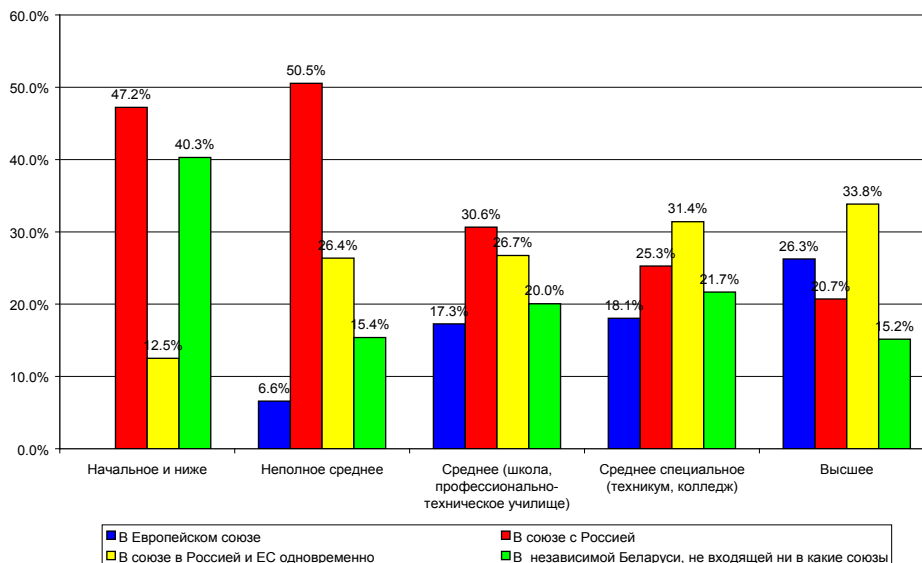
В выборе из четырех геополитических альтернатив (союз с ЕС, Россией, с ЕС и Россией одновременно и независимая Беларусь вне всяких союзов), среди лиц с высшим образованием преобладают «либералы», выбирающие одновременный союз с Россией и ЕС (33.8%) или союз с ЕС (26.3%). В то же время среди лиц с начальным образованием доминируют пророссийский вектор (47% предпочли бы жить «в союзе

с Россией») и стремление к автаркии (40% хотели бы жить в независимой Беларуси, не входящей ни в какие союзы). Похожая тенденция просматривается в ответах на тот же вопрос в зависимости от возраста. В выборе из четырех геополитических альтернатив молодёжь примерно поровну разделилась между желанием жить в союзе с ЕС (34.5%) и в союзе с ЕС и Россией одновременно (34.8%). В то же время у пенсионеров (старше 65 лет) однозначная доминанта – союз с Россией (48%).

Геополитический выбор в зависимости от возраста (Вопрос "Вы предпочли бы жить...")

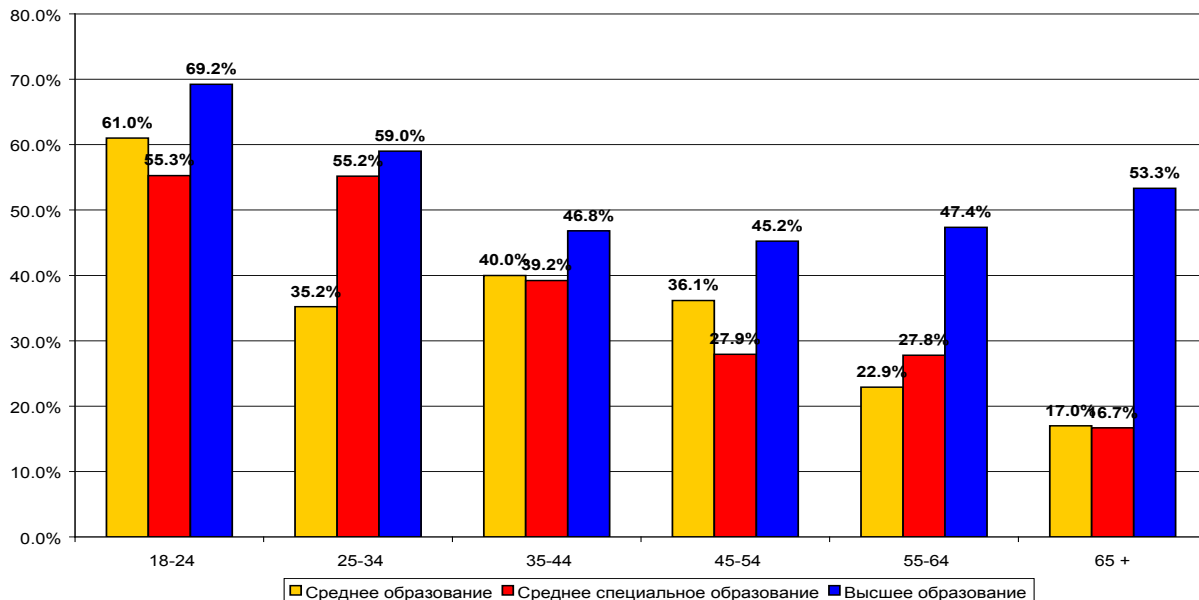
Геополитический выбор в зависимости от уровня образования

Поскольку образование и возраст – два фактора социальной динамичности, интересно проследить взаимосвязь между ними. Проконтролировав обе переменные, можно прийти к выводу, что у лиц со средним и средним специальным образованием падение интереса к интеграции в ЕС практически линейно коррелирует с возрастом (иными словами, чем старше становятся представители этих социальных категорий, тем ниже уровень поддержки евроинтеграции). У лиц же с высшим образованием такое падение стабилизируется к среднему возрасту и даже обращается в рост. Это позволяет сделать

вывод, что образование как дополнительный фактор социального динамизма нивелирует, в общем, естественное для белорусского общества «возрастное» нарастание консервативных предпочтений.

Поддержка вступления в ЕС в зависимости от возраста, контроль по уровню образования

«Столкновение цивилизаций» в вопросах геополитического выбора стремительно теряет своё значение. Среди белорусских католиков сторонников присоединения к ЕС лишь ненамного больше (43.9% голосовали бы «за» вступление в ЕС), чем среди православных (37.3%). В выборе из четырех геополитических альтернатив католики гораздо меньше склонны к союзу с Россией (11 против 32.2% среди православных), в то же время среди католиков гораздо больше, чем в среднем по выборке, тех, кто против любых союзов (36.6 против 18.8% среди православных и 20.4% в целом по выборке). С учётом того, что «пророссийский» и «автаркический» электораты – это электораты власти, можно утверждать, что в геополитическом плане у белорусских католиков, поддерживающих власть, внеблоковость замещает пророссийский выбор, который выступает «мейнстримом» для православных сторонников власти.

Практически отсутствует сколько-нибудь значимая взаимосвязь между геополитическим выбором и полом респондентов. На гипотетическом референдуме по вопросу о вступлении в ЕС «за» проголосовало бы 39.8% мужчин и 36.1% женщин. Разница в 3.7% находится в границах статистической погрешности и полностью может быть объяснена тем, что женщины гораздо чаще, чем мужчины, доживают до старшего возраста, когда начинают доминировать антиевропейские настроения. Расхождения по половому признаку в ответах на другие вопросы, измеряющие геополитический выбор белорусов, также находятся в пределах статистической погрешности.

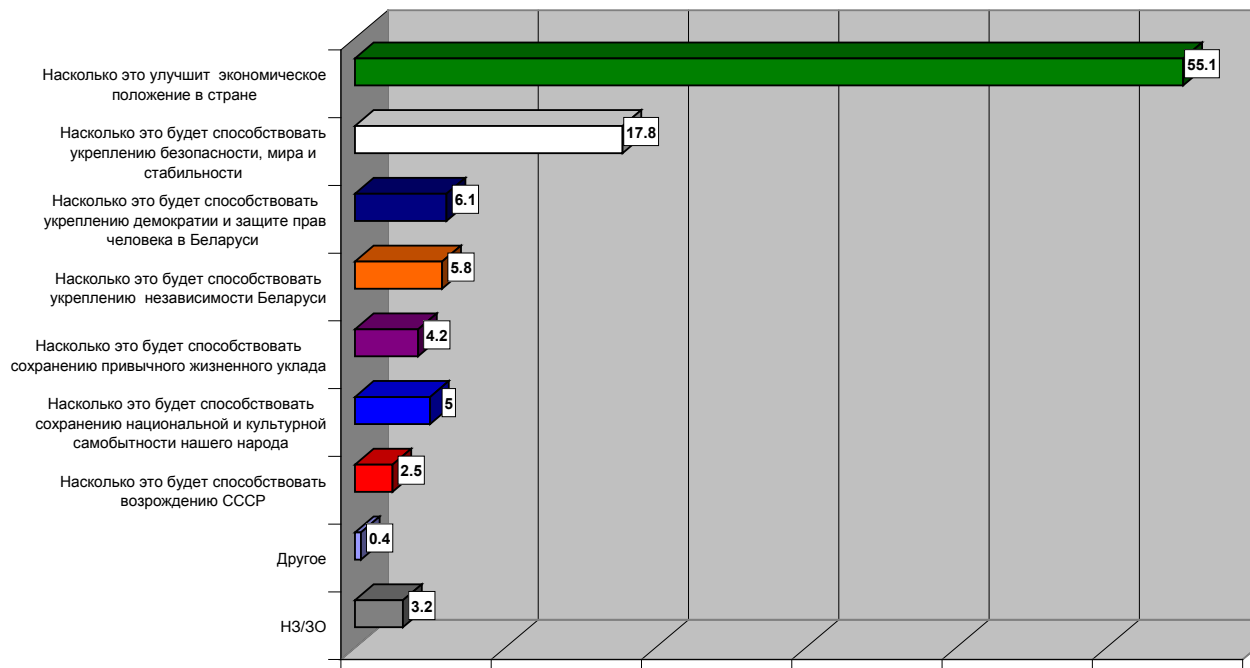
Примечательно, что поддержка президента Лукашенко наиболее выражена среди тех, кто ориентирован на Россию и «внесоюзный» статус Беларуси, и минимальна – среди проевропейской и «многополярной» частей электората. Ставшие популярными в последнее время рассуждения, что белорусский президент сумел завоевать симпатии части граждан, «оседлав» европейский вектор, представляются необоснованными.

2.3. Геополитический выбор делается по «гамбургскому счёту»: белорусы не ожидают от ЕС «манны небесной»

Лозунг «Беларусь в Европу» приобрёл свою популярность во время молодёжных уличных протестов середины 1990-х гг., а цель вступления Беларуси в ЕС проникла в программы оппозиционных политических партий где-то на стыке тысячелетий. Выдвигая эту цель, некоторые из оппозиционных политиков стремились «оседлать» идею, которую, во-первых, у них никогда не перехватит Лукашенко (как в случае с идеей независимости), во-вторых, которая, по сути, избавляет партии, проводящие свои избирательные кампании на европейской платформе, от необходимости детально разрабатывать и объяснять свои цели и программы. Казалось бы, здесь действительно все ясно – Европа, океан стабильности и благополучия, да, придётся немного потрудиться, чтобы туда войти, но раз уж перебрались за перевал, там уже, как говорится, «всё схвачено» и для детей и для внуков. В те времена на вопрос социологов о поддержке вступления Беларуси в Евросоюз заявляло до 60% респондентов.

Остатки таких стереотипов сохраняются в мышлении части оппозиции и по сей день, несмотря на то что в массовом сознании привлекательность ЕС резко снизилась: число «евроэнтузиастов» сократилось почти вдвое. И это сокращение пришлось как раз на тот момент, когда в Евросоюз вступили центрально-европейские страны. Быль и сказка несколько разошлись, быль в изложении государственных белорусских СМИ и вовсе превратилась в кошмар, а невозможность преодолеть визовый барьер убедила белорусского обывателя, что «в Европе нас никто не ждёт».

Что, по-вашему, должно быть главным в выборе союзников Беларуси?

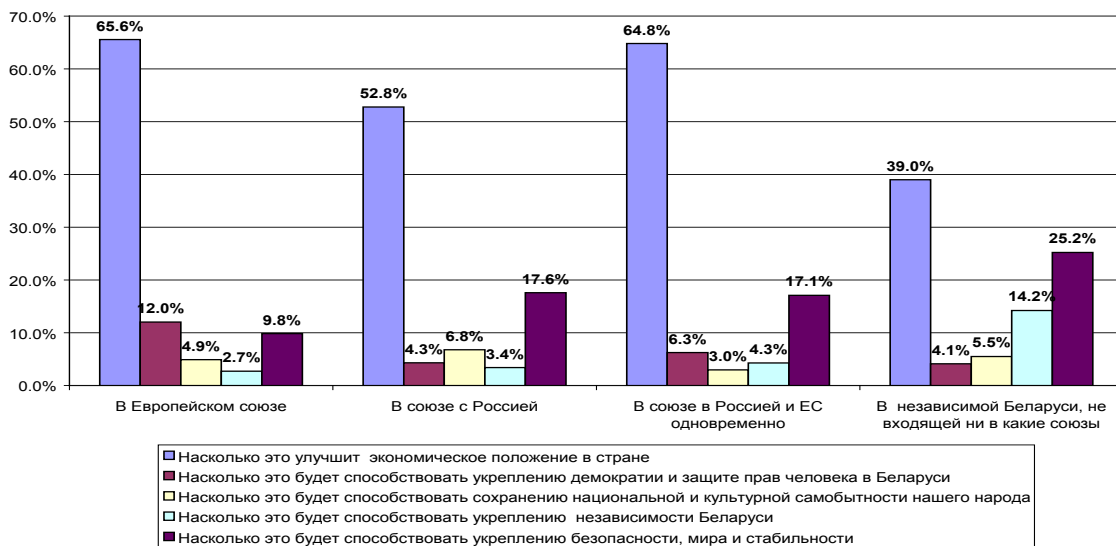
Так стоит ли политикам говорить с народом о Европе, или, как утверждают критики «роевропейских» партий, вопросы внешней политики вообще не интересуют избирателя по сравнению с внутренними повседневными проблемами? На самом деле, как показывает наше исследование, любой внешнеполитический вопрос актуален для белорусского избирателя лишь постольку, поскольку он содержит возможность решения тех жизненных проблем, с которыми избиратель сталкивается. Этот феномен можно назвать рационализацией внешнеполитического мышления, которое в белорусском общественном сознании «вынесено» из культурной плоскости и почти полностью находится в плоскости рационального выбора гражданина. Европа, Россия и т. д. – не экзистенциальные метафизические цели, а средства, которые годятся лишь постольку, поскольку способствуют решению экономических

проблем. Политикам может нравиться или нет, что избиратели слабо реагируют на разговоры о ценностях, но они вынуждены смириться с тем, что эти разговоры будут направлены в никуда, пока политики не заговорят на языке выбора по «гамбургскому счёту».

На основании чего мы делаем такие выводы? В нашем исследовании мы решили выяснить, почему же белорусы выбирают Европу или соответственно Россию. В анкету включён прямой вопрос: что, на ваш взгляд, должно быть главным при выборе союзников Беларуси? Результат очевиден и однозначен: с огромным отрывом лидирует ответ: «Насколько это будет способствовать улучшению экономического положения». Единственная иная заметная доминанта – вопросы безопасности, мира и стабильности. «Идеологические» соображения (вопросы демократии и прав человека, сохранения культуры и самобытности, привычного жизненного уклада, возрождения СССР и т. д.) редко набирали 5–6% ответов респондентов.

Структура ответов практически неизменна среди сторонников противоположных внешнеполитических альтернатив, причем среди «евроэнтузиастов» (сторонников союза с ЕС) процент голосующих «кошельком» наивысший. На общем фоне несколько выделяются только сторонники «независимой Беларуси, не вступающей ни в какие союзы», для которых соображения безопасности и мира приближаются по своей значимости к экономическим выгодам. (Сторонники автаркии – это совсем не националисты, пренебрежительно относящиеся к распущенной Европе, а сторонники Лукашенко, запуганные «бушующим морем», и прежде всего Россией, и ориентирующиеся исключительно на белорусское государство как на защитника и благодетеля.)

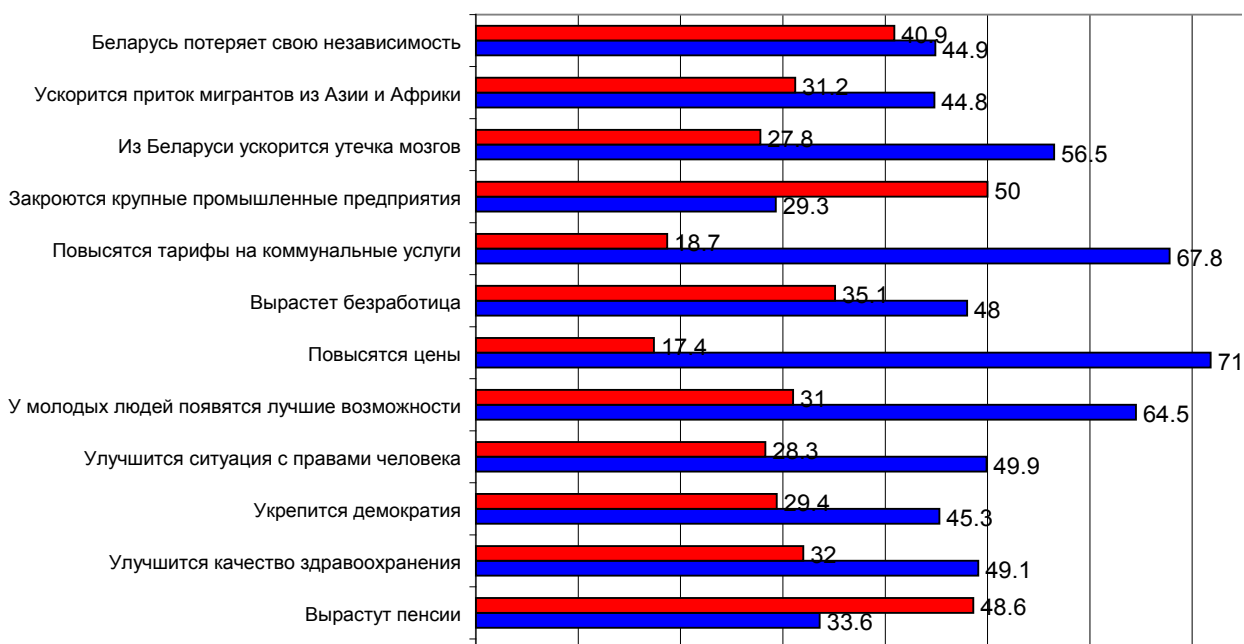
**Критерии геополитического выбора у сторонников различных альтернатив. Вопрос
"Что, по-вашему, должно быть главным в выборе союзников Беларуси?"**

Но если экономика превыше всего, следует ли белорусам бояться Европы? Ответ прост: в общественном сознании ЕС – это совершенно не та «манна небесная», которой она представляется некоторым оппозиционным политикам и публицистам. В целом, белорусское общество адекватно оценивает возможные последствия вступления Беларуси в ЕС, вернее, вполне отдаёт себе отчёт о той цене, которую придётся заплатить за европейский выбор, строго говоря – о «стоимости транзита». В частности (и самое главное), только чуть меньше половины белорусов ожидают, что гипотетическое вступление в ЕС приведёт к повышению их жизненного уровня, чуть больше – ожидают улучшения

качества социальных услуг (таких, например, как образование), намного меньше – улучшения жизни пенсионеров, ключевого электорального блока в Беларуси. Улучшения ситуации с правами человека и укрепления демократии ожидают также чуть меньше половины респондентов. Наиболее сильное положительное ожидание – новые перспективы для молодёжи, но это не для всех и явно «не сегодня».

Предположим, Беларусь вступила в Евросоюз. Насколько вероятно, что в результате этого...

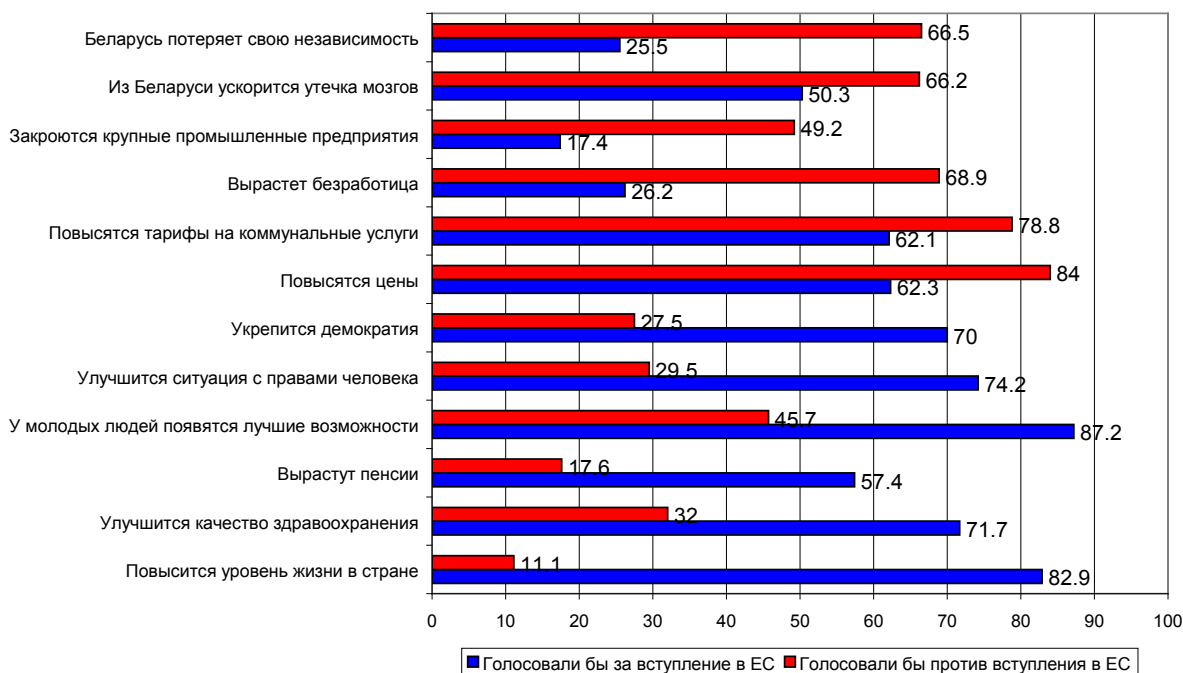

А вот ожидания негативных последствий от вступления в ЕС явно доминируют, и прежде всего ожидание роста цен, тарифов на социальные услуги и «утечка мозгов». В несколько меньшей степени ожидается рост безработицы, и, что удивительно, общество не спешит соглашаться с выводом официальной пропаганды, что членство в ЕС приведёт к массовому закрытию крупных промышленных производств.

В целом, общественные ожидания являют собой достаточно адекватную картину будущего, если вспомнить действительный опыт европейской интеграции стран – соседей Беларуси: за интеграцию надо сначала заплатить, прежде чем воспользоваться благами. Причём стоимость распределяется непропорционально – потери несли в первую очередь социальные аутсайдеры, менее динамичные группы населения, которые в силу возраста, низкого уровня образования и других факторов просто не способны найти себя в новой жизни, воспользоваться благами евроинтеграции и только оплачивали её стоимость.

Социальный динамизм как фактор геополитического выбора присутствует и в Беларуси – за ЕС выступает более 60% молодёжи и лишь 11% пенсионеров, более 50% лиц с высшим образованием и лишь 2–3% – с начальным. И дело не просто в культурной отсталости или пропаганде – разные социальные группы достаточно чётко улавливают, смогут ли они адаптироваться к гипотетической «новой жизни».

Предположим, Беларусь вступила в Евросоюз. Насколько вероятно, что в результате этого... (оценки сторонников и противников вступления в ЕС, только положительные ответы)

Действительно, если посмотреть на разницу в оценках возможных последствий вступления Беларуси в ЕС сторонниками и противниками евроинтеграции, то станет очевидным, что еврооптимисты и евроскептики расходятся как раз в оценке изменения уровня жизни (улучшения ожидают целых 83% еврооптимистов и только 11.1% евроскептиков). Настолько же диаметрально разнятся оценки практически всех возможных последствий евроинтеграции, исключая разве что некоторые негативные, такие как рост цен и коммунальных тарифов, в чём еврооптимисты и евроскептики более-менее сходятся. Еврооптимисты также склонны верить, что вступление в ЕС приведёт к «утечке мозгов» из Беларуси, но, вероятно, их это только привлекают – «утекать» будут в первую очередь мозги!

Здесь, на наш взгляд, и просматривается взаимосвязь между социальным динамизмом респондента, тем, как он формулирует свой «гамбургский счёт», и тем, какие внешнеполитические опции он выбирает. Социальные аутсайдеры – это люди, чей доход в первую очередь зависит от социальных трансфертов и перекрёстного субсидирования. Устранение этих «социальных благ» приведёт к резкому, зачастую катастрофическому падению уровня жизни. Для социальных лидеров источник дохода – это в первую очередь зарплата и доходы от предпринимательской деятельности. Поэтому оценка ожиданий изменения личного благополучия у них связана с ожиданиями новых возможностей для заработка и самореализации: новые возможности с лихвой окупят подорожавшие газ и электроэнергию.

Эта мобильная, динамичная часть белорусского общества вполне объяснимо и рационально ориентируется на Европу. В то же время эта прослойка в белорусском обществе достаточно узка по ряду причин как демографического, так и социально-политического характера: та часть белорусского общества, которая находится в «жёстком» контракте с государством, отдаёт себе отчёт в том, что в новых политических и экономических реалиях их опыт и услуги могут и не понадобиться. Размыть эту структурную преграду могут только реформы внутри Беларуси, которые привели бы к росту частного сектора и доли экономически самодостаточных граждан (то есть тех, кто в отличие от работников советского госсектора сохраняет социальный динамизм и в 40, и в 50 лет). Причём столь важно, какие именно это будут реформы – проведённые демократическим правительством или осуществлённые в

форме грабительской диктаторской приватизации.

В целом, можно сказать, что «гамбургский счёт» белорусов формируется не столько пропагандой, какова бы ни была её мощь, а достаточно рациональной оценкой собственных приобретений и благ. Такая картина социальных ожиданий должна стать уроком для политиков, стремящихся сколотить свой политический капитал, используя несколько привлекательных лозунгов. В призыве «Беларусь в Европу» нет былой притягательности. Европа – это скорее уже приевшийся сожитель, от которого (как и от России) ждут не столько страсти, сколько практических вещей. И поэтому, разговаривая с электоратом о Европе, нельзя обойти темы, которые как раз и отталкивают электорат от ЕС.

В первую очередь это касается вопросов социальной сферы, политики в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, ЖКХ. Если имеется возможность убедить избирателей, что сотрудничество с ЕС тут поможет – есть шанс привлечь к своим платформам новых сторонников, если нет – остаётся только удивляться, почему народ «не клюет» на конфетку в синей обёртке с блестящими звездочками. Предполагать, что один-два эффектных политических лозунга избавят от необходимости детального ответа на вопросы повседневной жизни – значит заведомо ставить себя в положение проигравшего: **европейская перспектива пока ставит перед белорусами больше вопросов, чем даёт ответов.**

В условиях рационализации внешнеполитического выбора дилемма, заключающаяся в том, следует ли говорить с избирателями о высоких материях или о повседневных нуждах, попросту отсутствует. Всё равно придётся перекодировать высокие материи и благородные цивилизационные цели в язык пресловутого «гамбургского счёта». Иное дело, что такая рационализация и создаёт возможность для предметного диалога с обществом.

ГЛАВА 3. МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Заключительный блок исследования посвящён вопросам безопасности Беларуси и месту страны в военно-политических блоках. Впервые в исследовательской практике основательно и всесторонне исследованы аспекты взаимодействия Беларуси с НАТО.

3.1. Основные выводы

- В белорусском обществе сложились жёсткие антинатовские стереотипы, которые допускают сотрудничество с НАТО лишь постольку, поскольку оно не попадает в «поле зрения» общественного мнения.
- Идея нейтралитета Беларуси, популярная в начале 1990-х гг., потеряла привлекательность у населения. Популярность военно-политического союза с Россией в рамках ОДКБ, между тем, значительно возросла.
- Как и в общих вопросах геополитического выбора (Россия vs. ЕС), предпочтения значительной части белорусов неоднозначны. Некоторые категории респондентов вполне допускают одновременное членство Беларуси в различных военно-политических блоках либо членство в одном из блоков при одновременном нейтральном статусе.
- Неопределённость значительного количества респондентов в вопросах безопасности оставляет значительное пространство для «конструирования» общественного мнения посредством информационной политики. «Выбор» во многом предопределяется тем, каким образом респонденту задаётся вопрос.
- Путаница и непоследовательность в ответах в целом указывает на низкую актуализацию вопросов безопасности в общественном мнении.

3.2. Угрозы безопасности

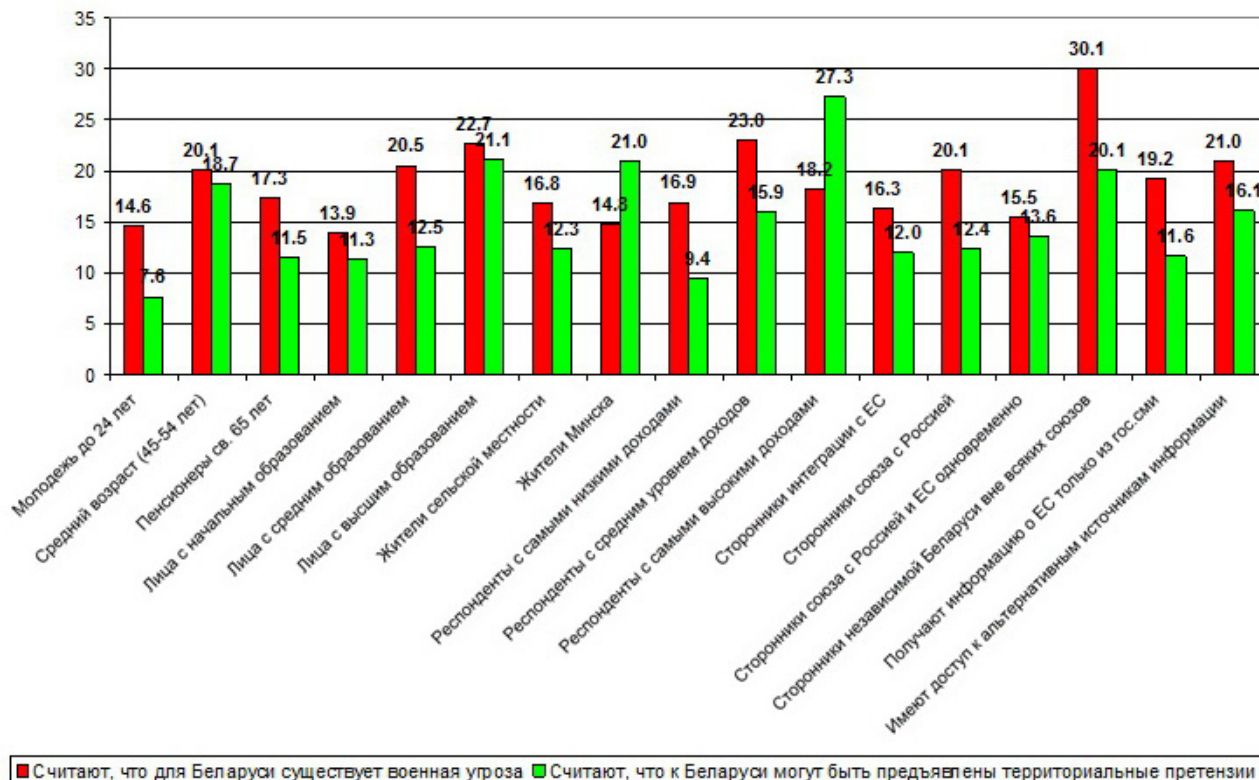
Для Беларуси реальной военную угрозу со стороны каких-либо стран и блоков считают 19,8% опрошенных. Чувство опасности практически не зависит от социального динамизма респондента. Так, угрозу ощущают 14.6% молодёжи до 24 лет и лишь ненамного больше (17.3%) – пенсионеры свыше 65 лет. Среди респондентов с высшим образованием чувство опасности распространено даже больше, чем в среднем по выборке (22.7%), и гораздо больше, чем среди респондентов с начальным и незаконченным средним образованием (соответственно 13.9 и 14.3%). Ощущающих опасность военной угрозы в Минске (14.8%) также ненамного больше, чем среди жителей сельской местности (16.8%). И даже среди тех, для кого источником информации являются исключительно государственные СМИ, чувство опасности не более распространено, чем среди тех, кто имеет доступ к альтернативным информационным источникам (соответственно 19.2 и 21.6%).

Таким образом «алармисты» – это скорее психологический, чем социальный тип, «размазанный» по социальной структуре белорусского общества. Следует отметить, что именно среди тех, кто ощущает военную угрозу, резко увеличивается число сторонников геополитического выбора в пользу «независимой Беларуси, не входящей ни в какие союзы» (31.7 против 17.4% среди тех, кто не чувствует военной угрозы). Чаще других в качестве источников военной угрозы упоминались НАТО (6.0%), США (6.6%), Запад (1.4%), Россия (0,4%).

Среди опрошенных 13,9% респондентов считают, что другие страны имеют территориальные претензии к Беларуси. Среди таких стран чаще всего упоминаются Польша (6,4%), Россия (2,3%) и Литва (1,3%). Один процент белорусов верит в то, что территориальные претензии к Беларуси имеет держава, расположенная в другом полушарии (США). Положительные ответы на вопрос о существовании территориальных претензий к Беларуси достигают «пика» среди респондентов среднего возраста. Так, 18.7% респондентов в возрасте от 45 до 54 лет верят в то, что соседние страны имеют территориальные претензии к Беларуси, среди молодёжи до 24 лет таких респондентов только 7.6%, среди пенсионеров – 11.5%. Примечательно, что среди лиц с высшим образованием (21.1%) и жителей Минска (21.0%) диспропорционально много тех, кто верит в то, что другие страны могут иметь территориальные претензии к Беларуси.

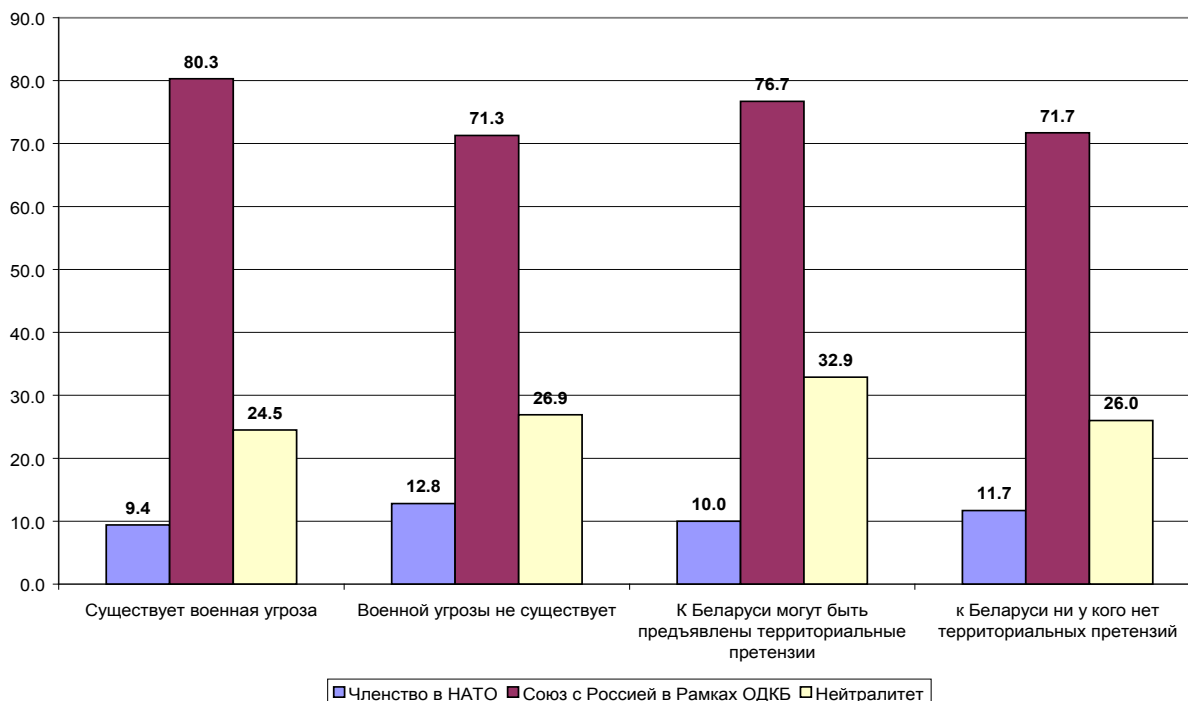
Среди высокообразованных белорусов и минчан абсолютным лидером среди подозреваемых в территориальных претензиях к Беларуси вновь является Польша (около половины от тех, кто верит в существование таких претензий в обеих категориях); до четверти «обеспокоенных» претензиями верит в угрозу со стороны России. Среди граждан Беларуси, имеющих доступ к информационным альтернативным источникам, верят в существование территориальных претензий к Беларуси даже большее количество респондентов (16.1%), чем среди тех, кого монополично «оболванивает» государственная пропаганда (11.6%). Верящие в территориальные претензии преобладают среди тех, кто неоднократно посещал ЕС (17.7 против 13.3% среди тех, кто не посещал страны ЕС в течение трех последних лет). Вера в территориальные претензии сконцентрирована среди сторонников «независимой Беларуси, не входящей ни в какие союзы» (20.1 против 12.0% среди сторонников ЕС и 12.4% сторонников союза с Россией). Наконец, самые богатые белорусы больше склонны верить в территориальные претензии (27.3%), чем их более бедные соотечественники (9.4%).

Чувство опасности у разных социальных групп

Наконец, отметим, что ощущение угрозы извне не имеет значимых последствий для выбора конфигурации безопасности. Верящие в угрозы и территориальные претензии несколько чаще, чем неверящие, настаивают на военно-политическом союзе с Россией, однако разногласия с «неверящими» едва вырываются за границы статистической погрешности.

выбор геополитических альтернатив в зависимости от ощущения угрозы

3.3. Отношение к НАТО

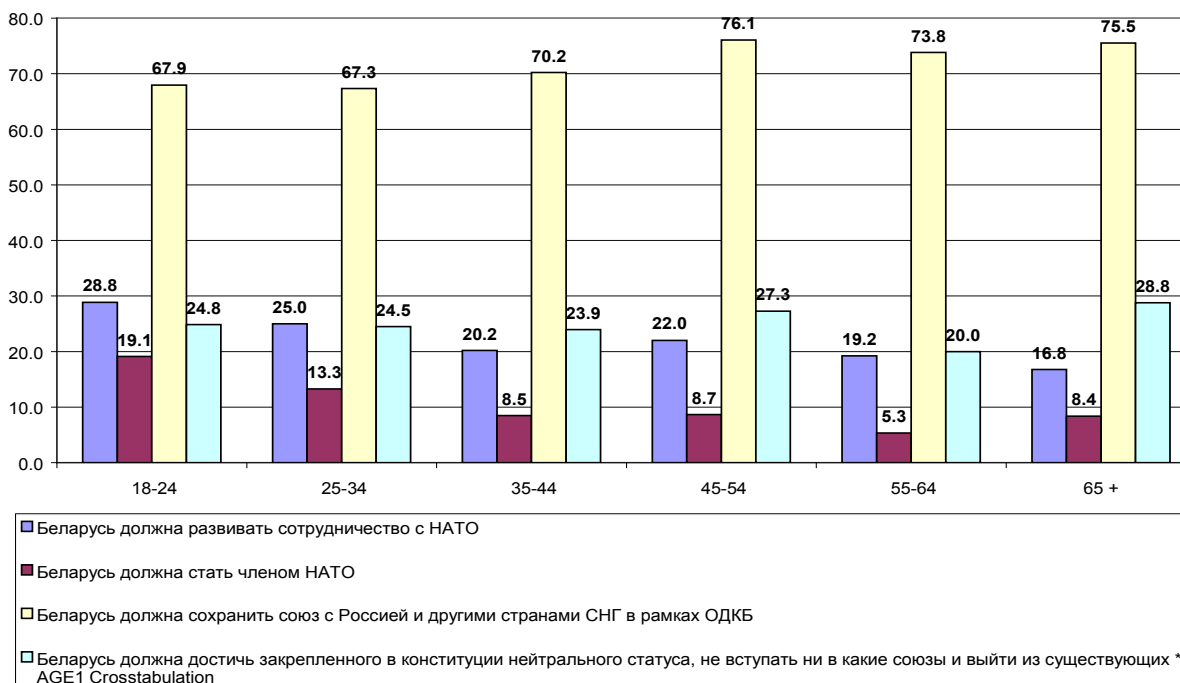
На развитии отношений между Беларусью и НАТО настаивают 22% населения, а 10,6% опрошенных поддерживают вступление Беларуси в альянс. При этом в обоих случаях высок процент НЗ/ЗО – 27,9 и 26% соответственно, что может указывать на недостаточную информированность о НАТО и его деятельности. Вместе с тем в случае закрытого вопроса 43,4% опрошенных видят в НАТО источник военной угрозы, в то время как при открытом вопросе таких респондентов только 6%. В то же время те респонденты, которые первоначально заявили, что Беларуси никто не угрожает, согласились с тем, что НАТО представляет угрозу для Беларуси, отвечая на прямой вопрос.

Таким образом, можно предположить, что НАТО в восприятии белорусов – это скорее информационный образ, пиар-продукт, который актуализируется пропагандой и «пропадает с экранов» сознания, когда тема «натовской угрозы» не педализуется. Однако заметим, что расширение сотрудничества с НАТО в любой форме неизбежно ведёт к актуализации этого вопроса в информационном поле, вызывая к жизни весь комплекс стереотипов и фобий. Таким образом, неудивительно, что в настоящий момент сотрудничество Беларуси и НАТО осуществляется при полном замалчивании этой темы в белорусских СМИ. По всей видимости, белорусские власти, даже «выигрывая» от сотрудничества с НАТО, в пропагандистских целях предпочитают сохранять «образ врага» и в случае необходимости активизировать «чувство опасности».

Поддержка сотрудничества с НАТО в некоторой степени взаимосвязана с социальным динамизмом респондентов. За сотрудничество выступают 28,8% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и лишь 16,8% в возрасте старше 65 лет. Почти половина «золотого процента» богатейших белорусов склоняются

к сотрудничеству с НАТО, среди «среднего класса» таковых 27.7%, среди беднейших белорусов – 17.2%. Сторонников сотрудничества с НАТО больше в Минске (33.8%), чем в средних и малых городах (соответственно 19.2 и 21.0%) и на селе (13.9%). Благоприятно относятся к сотрудничеству с НАТО неоднократно посещавшие ЕС (32.6%) и имеющие доступ к альтернативным информационным источникам (33.6%). Сторонников членства в НАТО, при общей непопулярности этой идеи, несколько больше среди молодёжи до 24 лет (19.1%), лиц с высшим образованием (16%), лиц, часто посещающих ЕС (23.2%) и имеющих доступ к альтернативным информационным источникам (16.7%).

Выбор конфигурации безопасности в зависимости от возраста респондента

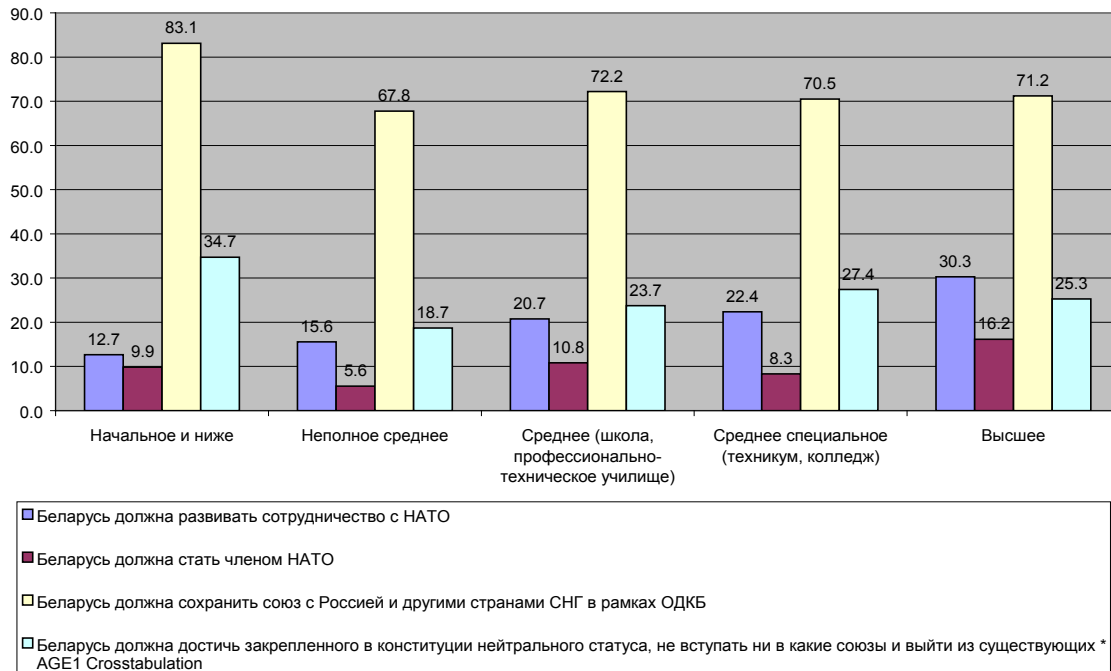
3.4. Россия, СНГ, ОДКБ, нейтралитет

Респонденты, которые считают, что необходимо сохранить союз с Россией в рамках ОДКБ и членство в СНГ, составляют 71.9%. Не согласны с этим утверждением 8,3%, что несколько меньше, чем процент желающих, чтобы Беларусь вступила в НАТО. То есть некоторое число опрошенных полагают, что Беларусь может одновременно находиться в двух военно-политических союзах.

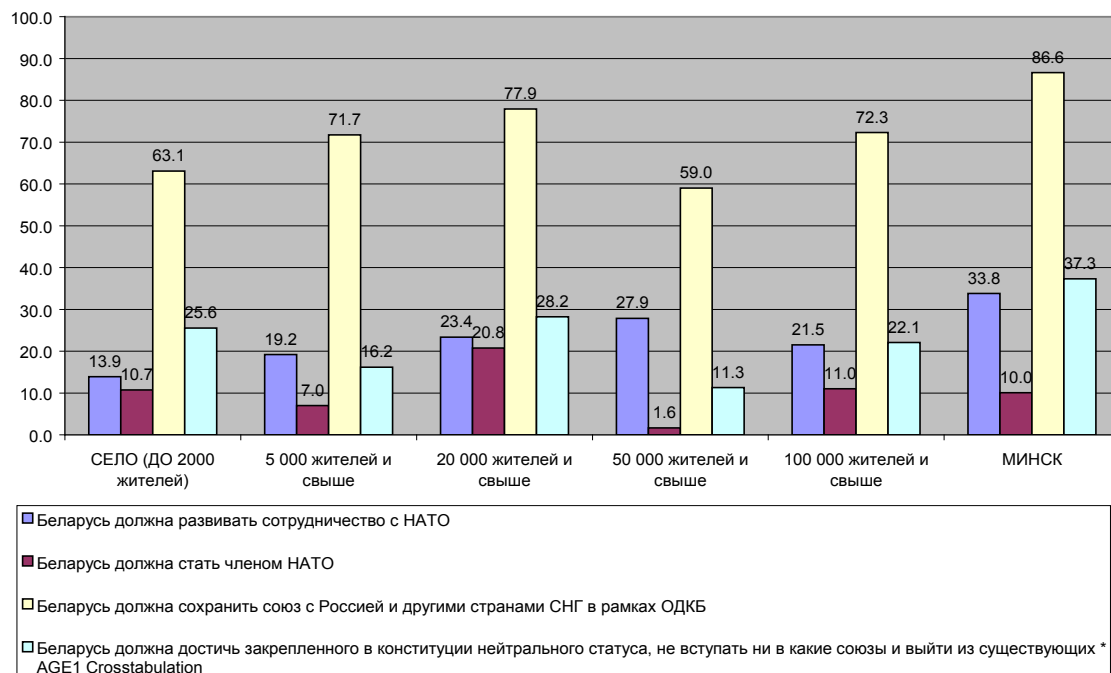
Портрет сторонника ориентации на Россию и ОДКБ, в целом, является противоположностью портрету сторонника вступления в НАТО. Однако сторонники союза с Россией доминируют во всех возрастных и социальных группах.

В том, что Беларусь должна стать нейтральным государством и выйти из существующих блоков, убеждены 25.2% опрошенных; противников же нейтралитета на 10% больше – 35,8%. При этом 39% респондентов не определились, что свидетельствует о значительной инерции массового сознания и низкой скорости реакции на изменения в государственной пропаганде. Отношение к нейтралитету почти не зависит от возраста и пола опрошенных. В то же время 72.0% респондентов, ответивших, что предпочитают нейтралитет Беларуси, одновременно заявили, что согласны с тем, чтобы Беларусь сохранила союз с Россией в рамках ОДКБ. Это свидетельствует о крайне низкой степени понимания вопроса и его актуализации в массовом сознании – положительный ответ дается в тех случаях, когда вопрос не отсылает к каким-либо заданным отрицательным культурным стереотипам. Возможности для манипулирования общественным мнением в этих условиях практически неограничены до тех пор, пока не пересекается граница культурных фобий.

Выбор конфигурации безопасности в зависимости от образования

Выбор конфигурации безопасности в зависимости от места жительства

ГЛАВА 4. БЕЛОРУССКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

В данном исследовании мы попытались соотнести взгляды, ценности и мировоззрение современных белорусов с «идеальным типом» европейской политической и гражданской культуры. Такое соотнесение позволяет установить, в какой степени геополитический выбор белорусов обусловлен ценностными или прагматическими соображениями, каково соотношение между сторонниками того или иного интеграционного проекта и носителями того или иного типа политической культуры, соответствующего данному геополитическому образованию.

Различные варианты развенчания «мифа о белорусской толерантности», распространившиеся в последнее время в аналитическом сообществе, уже успели стать такой же банальностью, как в своё время утверждения об исключительной толерантности белорусов. Толерантность – понятие сугубо субъективное, по-разному понимаемое в различных культурных и исторических контекстах. В нашем исследовании мы пытались не «подтвердить» или «опровергнуть» «миф» о толерантности, а соотнести политическую и гражданскую культуру современного белорусского общества с нравственными стандартами и принципами, составляющими основу официального политического дискурса ЕС и «европейских ценностей».

4.1. Основные выводы

- **Белорусское общество в гораздо большей степени готово к принятию «политических» европейских ценностей** (уважение политических и гражданских свобод), чем «культурных» (уважение к личностной автономии, выбору стиля жизни, веры, манеры поведения, ориентации и т. д.).
- В обоих случаях (политические и культурные права и свободы) **существуют серьёзные межгрупповые различия, в первую очередь обусловленные социальной динамичностью респондентов** (возраст, образование, опыт общения с другими культурами), а не историческими и культурными особенностями, такими как «столкновение цивилизаций». Однако в то время как политическая толерантность начинает преобладать лишь среди респондентов предпенсионного возраста, для молодых людей становится нормой культурная нетолерантность.
- **Три доминирующих социокультурных типа (авторитарный, консервативный, либеральный)**, возможно, составят основу для структурирования политической арены в случае восстановления условий для открытой политической конкуренции в Беларуси.
- **Существует выраженная, хотя и не однозначная, взаимосвязь между социокультурными типами и геополитическим выбором белорусов.** Сторонники «российского пути» – это в большинстве своём носители консервативной политической культуры как в плане уважения к политическим правам и свободам, так и терпимости к альтернативному стилю жизни. Сторонники «европейского» пути более разнообразны в своих культурных типах. В целом, проявляя высокий уровень политической толерантности, они существенно разнятся между собой в толерантности «культурной».

Соотнося «белорусские» ценности, представления и стереотипы с «европейскими», мы не занимаем позицию моралиста и не собираемся настаивать на преимуществе одной системы моральных координат над другой. Мы также отдаём себе отчёт в том, что официальный политический дискурс Брюсселя может по-разному соотноситься с политическими и нравственными воззрениями жителей испанской или польской «глубинки». Однако такое сопоставление имеет значение, поскольку степень общности ценностей определяет предельную глубину и устойчивость интеграционных проектов. Это означает, что геополитический выбор общества и элит, если он делается всерьёз, должен основываться на приверженности определённой системе ценностей и норм или готовности эти ценности принять.

Исследование «ценностного (не)соответствия», таким образом, может стать источником важной информации для сторонников того или иного геополитического или интеграционного проекта. С другой стороны, оно переводит диалог о политической культуре и цивилизационном выборе из плоскости лозунгов (таких как «Беларусь – в Европу») и безапелляционных заявлений (например, заявления некоторых проправительственных аналитических центров о том, что «западные ценности чужды белорусам») в плоскость предметной дискуссии на основании фактов и данных.

4.2. Белорусская толерантность: попытка измерения

Мы интерпретируем европейский тип политической и гражданской культуры с помощью двух измерений: *во-первых*, это **уважение к политическим и гражданским правам и свободам граждан и непротивление их реализации (политическая толерантность)**; *во-вторых* – **уважение к личной автономии гражданина, его праву на выбор стиля жизни и непротивление реализации этого права (культурная толерантность)**. Подчеркнём, что речь идёт именно о толерантности, дословно – терпении к тем или иным проявлениям личной свободы, а не об одобрении тех или иных действий или тем более признании их приемлемости для самих себя.

В соотношении с «идеальным типом» европейской культурной толерантности (политкорректности) **наше исследование выявило достаточно высокую степень распространённости жёсткого неприятия определённых проявлений личной автономии и нетрадиционного стиля жизни со стороны представителей белорусского общества**. Например, большинство белорусов «определённо» (43.2%) или «скорее» (19.5%) выступают за уголовное преследование гомосексуалистов (полностью согласны с тем, что права лиц с нетрадиционной ориентацией не должны ограничиваться, лишь 6.2% опрошенных). Вторая зона агрессивного проявления нетолерантности – отношение к распространению нетрадиционных религий: 36.7% полностью согласны и 20.1% скорее согласны с тем, что государство должно ограничивать их проникновение в Беларусь, и только 9.2% полностью согласны с тем, что государство не должно вмешиваться в выбор вероисповедания граждан Беларуси. В то же время большинство граждан выступают против распространения влияния церкви на политику государства.

Ещё одна «проблемная» зона – отношение к «чужакам». Если отношение к трудовой миграции (46% респондентов выступают «за» её ограничение в той или иной мере) вряд ли выделит белорусов на фоне жителей любой европейской (и неевропейской) страны, то тот факт, что более 20% опрошенных готовы приложить все силы, чтобы не допустить брак своего ребёнка с представителем другой расы, указывает на определённую распространённость расовых стереотипов в обществе. В то же время белорусы проявляют большую толерантность к культурным правам приезжих (что может быть следствием собственного национально-культурного нигилизма) и репродуктивным правам женщин (однако почти четверть респондентов в той или иной степени выступают за ограничение права на аборт).

	Полностью согласен с первым высказыванием	Скорее согласен с первым высказыванием	Не согласен ни с первым, ни со вторым высказыванием	Скорее согласен с первым высказыванием	Полностью согласен с вторым высказыванием	
Государство должно ограничивать проникновение в нашу страну нетрадиционных религиозных конфессий, таких как кришнаиты, бахаисты и т. д.	36.7	20.1	21.2	12.4	9.3	Государство не должно влиять на выбор вероисповедания, даже если при этом в Беларуси будут распространяться нетрадиционные конфессии
Гомосексуализм должен быть запрещён и наказываться согласно уголовному кодексу, как в советское время	43.2	19.5	20.2	10.6	6.2	Права лиц с нетрадиционной ориентацией не должны ограничиваться
Аборты должны быть запрещены и наказываться по закону	13.8	11.8	33.4	20.4	20.6	Аборты должны быть разрешены
Лица, приезжающие в Беларусь из других стран, должны полностью ассимилироваться, принять культуру и традиции страны, в которой живут, или покинуть страну	13.4	19	28.3	23.6	15.6	Лица, приезжающие в Беларусь из других стран, имеют право поддерживать собственную культуру и традиции, как бы они ни отличались от наших
Государство должно ограничивать трудовую миграцию из-за рубежа	20.5	26.9	31.1	14.9	6.3	Государство должно поощрять трудовую миграцию из-за рубежа
Церковь должна иметь больше влияния на политику государства	9.4	12.7	34.3	17.7	26	Церковь должна быть отделена от государства

Белорусы определённо более соответствуют европейскому типу политической толерантности, чем культурной политкорректности. Исследование показывает достаточно высокий уровень уважения к политическим правам других граждан, таким как академическая свобода (только 15.4% одобряют политику государства в области ограничения международных контактов студентов и преподавателей), право выражения несогласия с политикой государства (19% поддерживают запрет на профессию для инакомыслящих, против – 48.8%), свобода ведения бизнеса (за большую свободу ведения бизнеса выступают 60.7% опрошенных, против – только 18.4%) . Большинство опрошенных не видят необходимости ограничивать политические и гражданские права, даже если ими злоупотребляют. В то же время более 40% белорусов в той или иной степени готовы согласиться на введение цензуры для предотвращения экстремизма, 32% готовы ограничить деятельность оппозиции (против 35%) и 28.9% не видят смысла в существовании политических партий (за расширение роли партий выступают 33.1%).

	Полностью согласен с первым высказыванием	Скорее согласен с первым высказыванием	Не согласен ни с первым, ни со вторым высказыванием	Скорее согласен с первым высказыванием	Полностью согласен с вторым высказыванием	
Государство вправе отказать госорганы, в приеме на работу в госорганы, в предоставлении образования и ряде других услуг людям, не согласных с политикой властей, выступающих с ее критикой	5.1	14.4	31.3	23.7	25.1	Несогласие с проводимой в стране политикой, публичная критика властей не могут быть причиной запрета на занятие должности или получение образования.
Цензура СМИ допустима в целях препятствия распространению экстремистских и антигосударственных идей	17.1	24.8	30.9	15.1	11.7	Цензура СМИ недопустима и должна быть полностью запрещена
Действия оппозиции следует ограничить	12.7	20.1	30.5	16.9	20.1	В Беларуси не должно быть препятствий для деятельности оппозиции
Государство должно установить жесткий контроль над бизнесом	5.5	13.1	20.3	27.3	33.4	Государство должно дать больше свободы бизнесу
Государство должно жёстко обеспечивать порядок и стабильность в обществе, даже в ущерб некоторым правам и свободам граждан	8.0	18.5	31.1	25.3	16.0	Государство должно уважать права и свободы граждан, даже если они иногда этими правами злоупотребляют
Государство должно ограничивать международные контакты студентов и преподавателей, чтобы предотвратить «утечку мозгов»	7.2	8.2	18.3	28.9	37.5	Государство должно поощрять международные контакты студентов и преподавателей для повышения качества образования и расширения кругозора.
В повышении роли политических партий нет необходимости	12.1	16.8	37.5	16.8	16.3	Необходимо повысить роль политических партий

На основании полученных данных мы рассчитали своеобразный «индекс» культурной и политической толерантности. В каждом случае мы отбирали по пять вопросов, зафиксировав, выступает ли респондент за введение ограничений на реализацию прав граждан в данной области (согласие фиксировалось как 0, несогласие – как 1)¹. Соответственно, в случае если респондент набирал 5

1 Так, например, вопрос об уголовном преследовании гомосексуалистов кодировался так: ответы «полностью согласен» и «скорее согласен» кодировались как 0 (проявление нетолерантности), все остальные ответы, включая «затрудняюсь ответить» – как 1 (проявление толерантности). В вопросе о межрасовых браках как 0 кодировался только ответ, в котором респондент

баллов, он считался полностью соответствующим европейскому типу политической или культурной толерантности². Респондент, набравший 4 балла, считался «приближающимся» к такому типу, 3 балла – «промежуточный тип»; тот, кто выступает за ограничения в большинстве случаев (2 балла и ниже) – авторитарный тип.

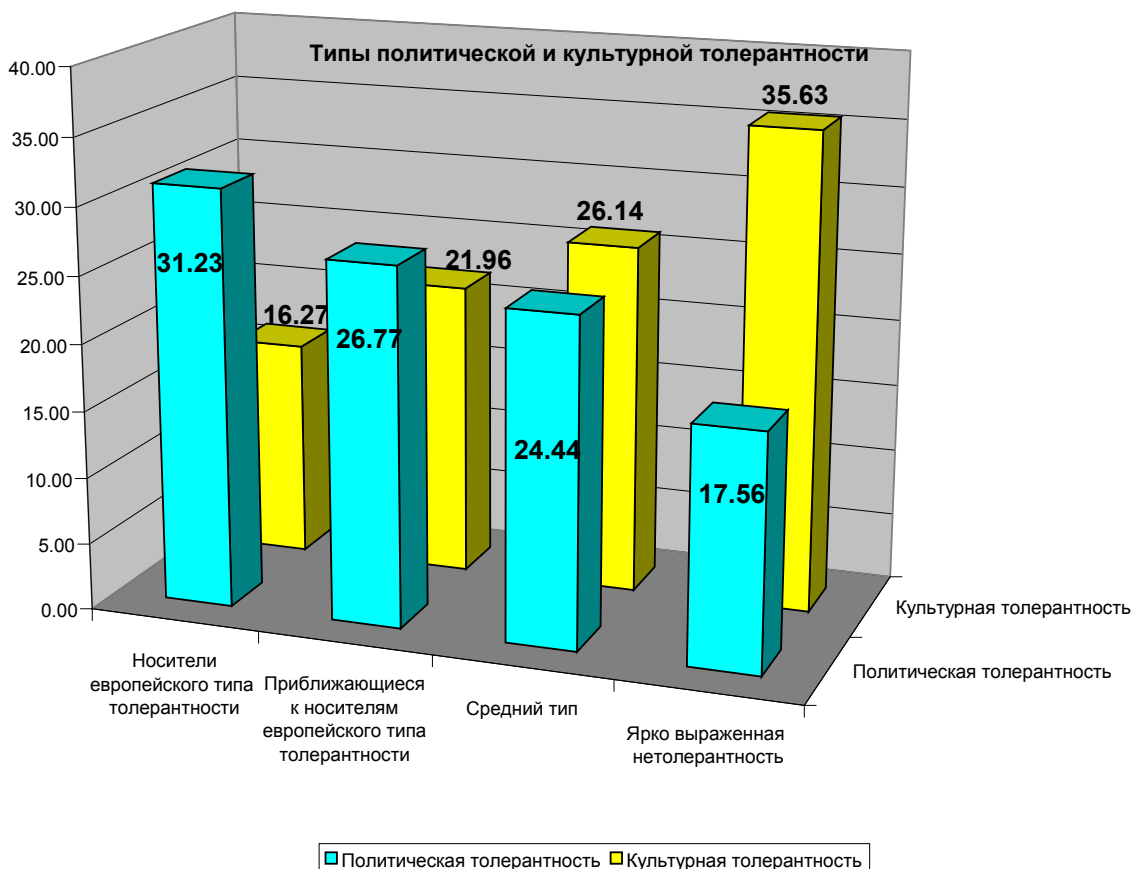

Диаграмма явно показывает **приближение белорусского общества к европейскому типу политической культуры, равно как и сохраняющийся разрыв в уровне культурной толерантности**. Мы воздержимся от далеко идущих выводов, которые можно извлечь из низкой степени культурной толерантности современных белорусов (гомофобия, подозрительное отношение к традиционным религиям), для чего необходимо сравнить ценностные ориентации, мировоззрение и стереотипы белорусов и жителей европейских стран, в особенности тех, которые недавно вступили в ЕС, иметь данные о трансформации ценностных ориентаций самих «старых» европейцев за последние

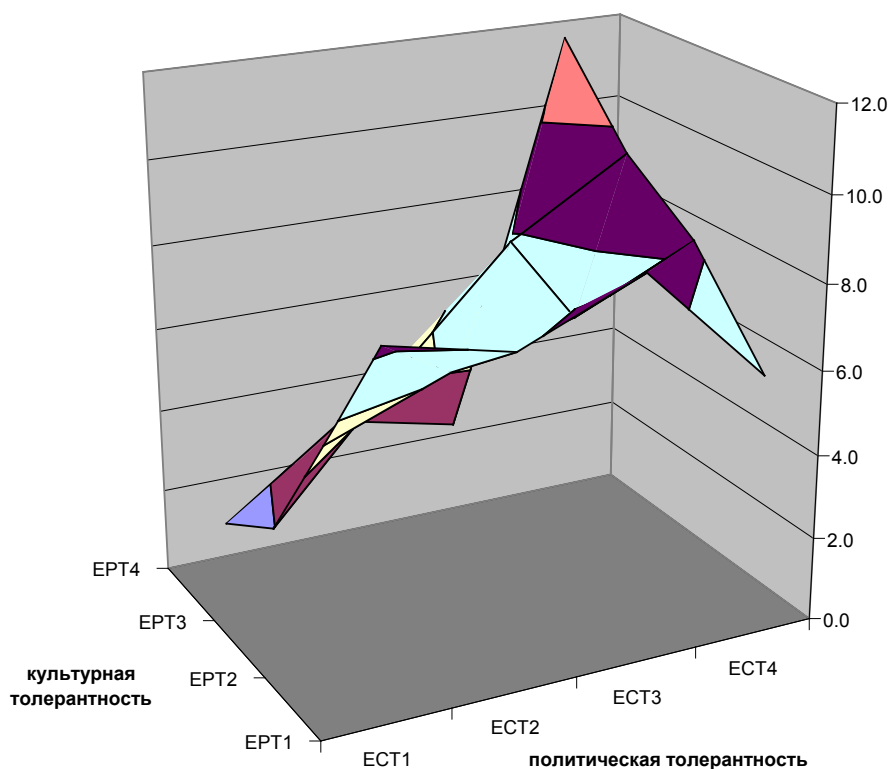
«намерен предпринять всё возможное, чтобы расстроить такой брак». Таким образом, наше кодирование несколько преувеличивает уровень толерантности в обществе, учитывая всех сомневающихся и неответивших.

2 Уровень культурной толерантности рассчитывался по степени согласия с утверждениями: «Государство должно ограничивать проникновение в Беларусь нетрадиционных религий», «Гомосексуализм должен быть запрещён и наказываться в уголовном порядке, как в советское время», «Аборты должны быть запрещены и преследоваться по закону», «Лица, приехавшие в Беларусь, должны полностью ассимилироваться и принять культуру и обычаи страны, в которой живут, или покинуть страну», а также с утверждением, фиксирующим отношение к вступлению ребёнка в межрасовый брак. Уровень политической толерантности рассчитывался по степени согласия с утверждениями: «Государство должно ограничивать международные контакты студентов и преподавателей, чтобы предотвратить утечку мозгов», «Цензура СМИ допустима в целях противодействия экстремизму», «Деятельность оппозиции следует ограничить», «Государство вправе отказать в приёме на работу и вузы лицам, публично выражающим несогласие с политикой государства», «Государство должно жёстко обеспечивать порядок и стабильность в обществе, даже в ущерб некоторым правам и свободам граждан». Как проявления нетолерантности кодировались ответы «однозначно согласен» и «скорее согласен».

30–40 лет. Мы также обращаем внимание на разницу между ценностями и установками, с одной стороны, и действиями человека – с другой (иными словами, можно кого-то ненавидеть, но при этом не предпринимать в отношении его никаких действий). Однако проблемные поля возможных сценариев геополитического выбора, на наш взгляд, очевидны.

Заметим также, что сопоставив уровни политической и гражданской толерантности, мы обнаружили три доминанты в массовом сознании – наибольшую по величине авторитарную (угол EPT4 – ECT4, иными словами – доминирование авторитарных политических и культурных воззрений), либеральную (угол EPT1–ECT1) и – наименьшую – христианско-демократическую (угол EPT1–ECT3, сочетание демократических политических ценностей и культурного консерватизма). Возможно, именно разлом по этим ценностным ориентациям будет структурировать политическое поле Беларуси в случае возникновения в стране реальной политической конкуренции.

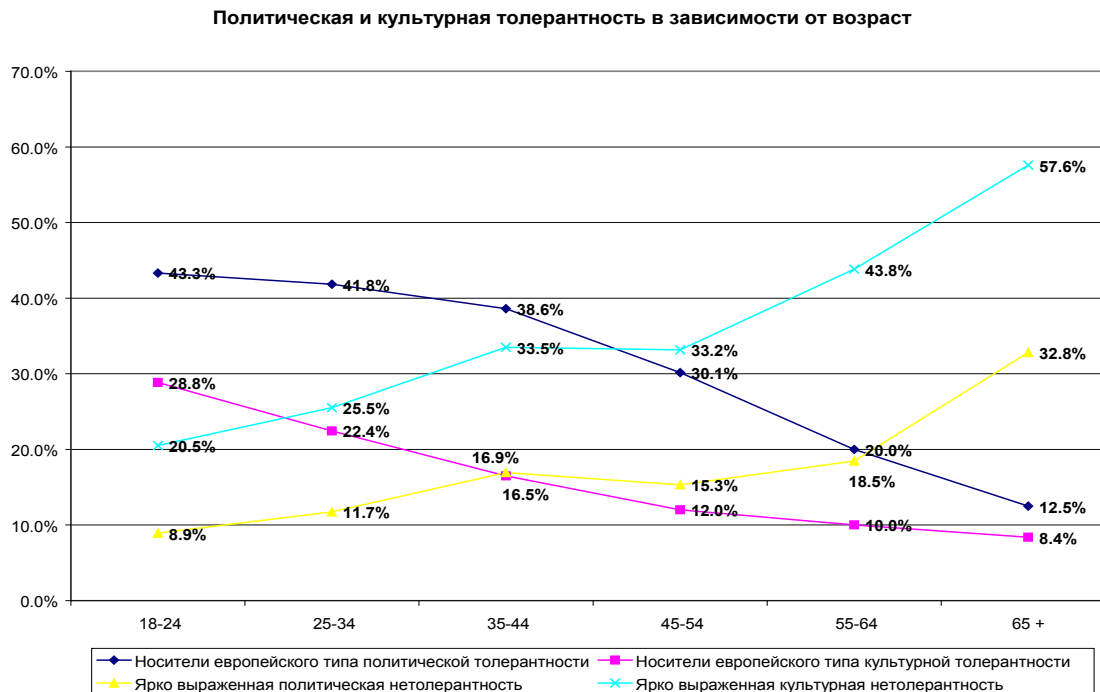
Соотношение культурной и политической толерантности

4.3. Европейские ценности и белорусские реалии: конвергенция – дело времени, или «У нас такая культура?»»

Насколько эти типы политической культуры могут меняться? Диаграмма предсказуемо показывает, что уровень и политической, и культурной толерантности обратно пропорционален возрасту респондента. Однако если либеральные политические ценности являются нормой среди молодёжи, то в отношении уважения альтернативного стиля жизни и культурных правах нельзя сказать того же самого.

Показательно, что **если в плане политических ценностей «точкой перелома» (преобладания авторитарных ценностей над либеральными) выступает поколение 55–64 лет, то в отношении культурных ценностей – на три с половиной десятилетия раньше.**

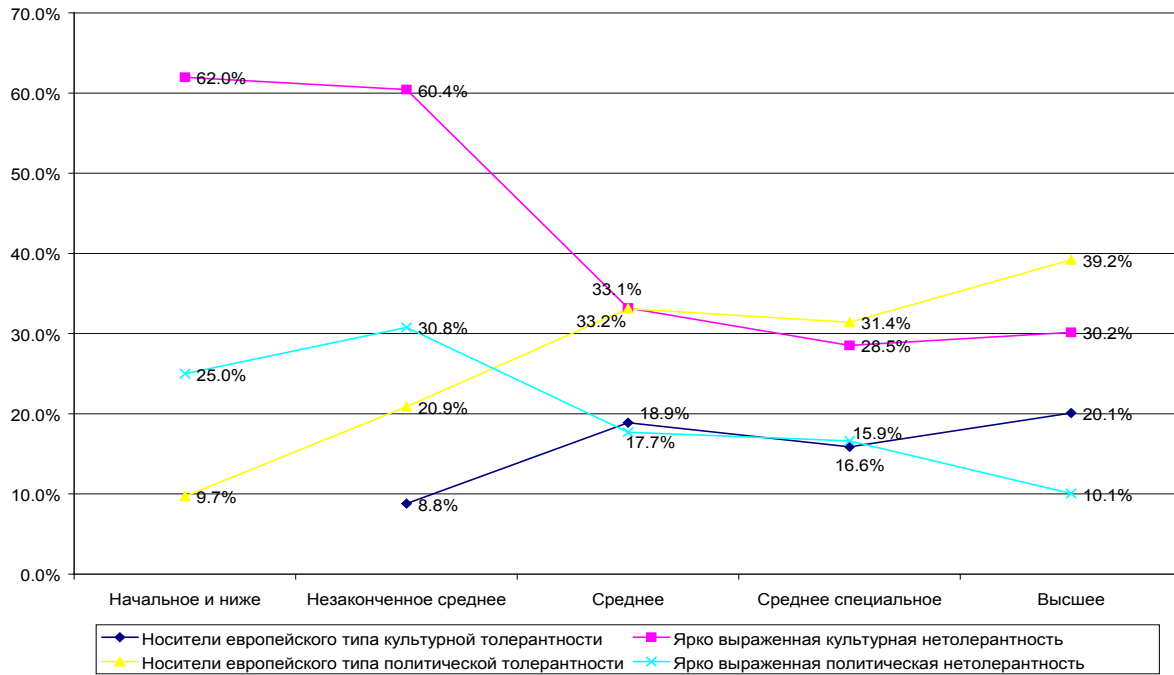

Ярко выраженный поколенческий фактор в определении типов политической культуры может быть интерпретирован по нескольким направлениям. Одно из самых распространенных в современной социологии связано с теорией «формативного возраста», которая утверждает, что базовые жизненные и политические ценности закладываются в человеке, когда он формируется как личность, и сохраняются в течение жизненного пути более-менее в неизменной форме. Согласно этой концепции, политическая культура каждого поколения – это «отпечаток» их молодости, доминирующих настроений того времени. Таким образом, политическая культура современной молодёжи – это культура пенсионеров через 30 лет. Однако для подтверждения этой гипотезы необходимы длительные исследования, которые в настоящее время отсутствуют.

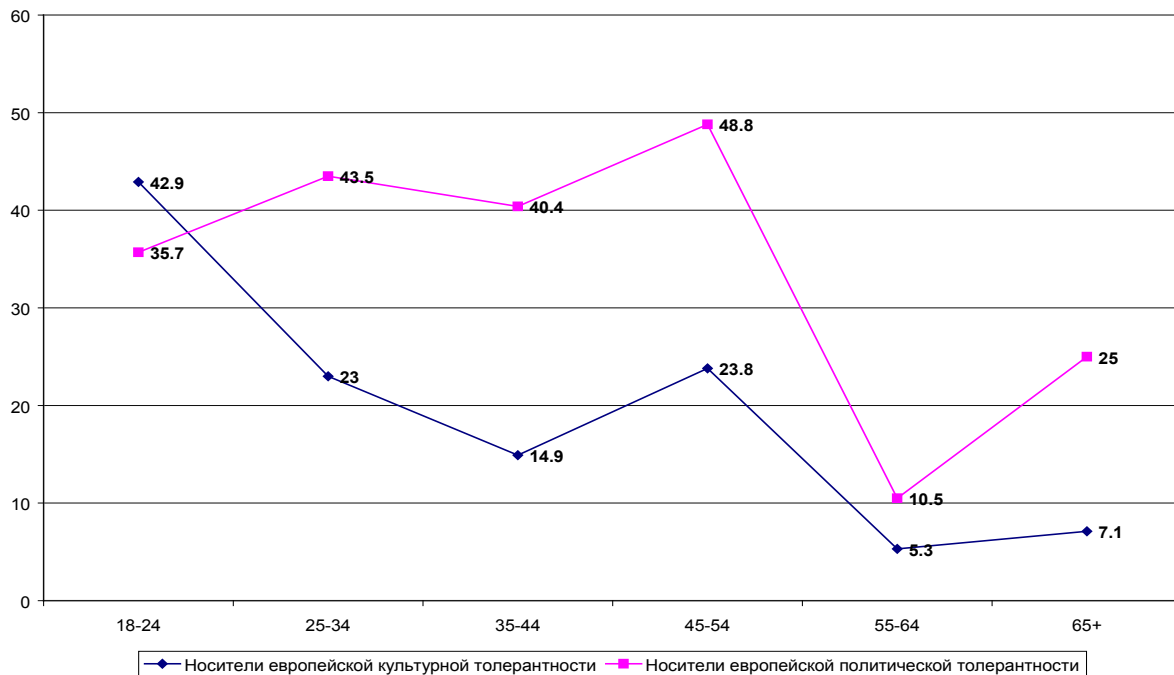
С другой стороны, можно предположить, что в обществе, подобном белорусскому, либеральность политической культуры «рассеивается» с возрастом по мере утраты респондентом социального динамизма и соответственно нарастающей замкнутости кругозора. Опять-таки, подтвердить или опровергнуть эту гипотезу можно лишь при наличии определённой исследовательской традиции, которую мы только пытаемся заложить.

Похожие тенденции выявляются и в соотношении уровня толерантности и уровня образования респондентов; заметим только, что в этом случае культурная нетолерантность является преобладающим типом даже среди респондентов с высшим образованием. Образование, таким образом, едва ли является фактором, «стабилизирующим» политическую культуру, в особенности ту, которая имеет отношение к культурной толерантности.

Политическая толерантность в зависимости от уровня образования

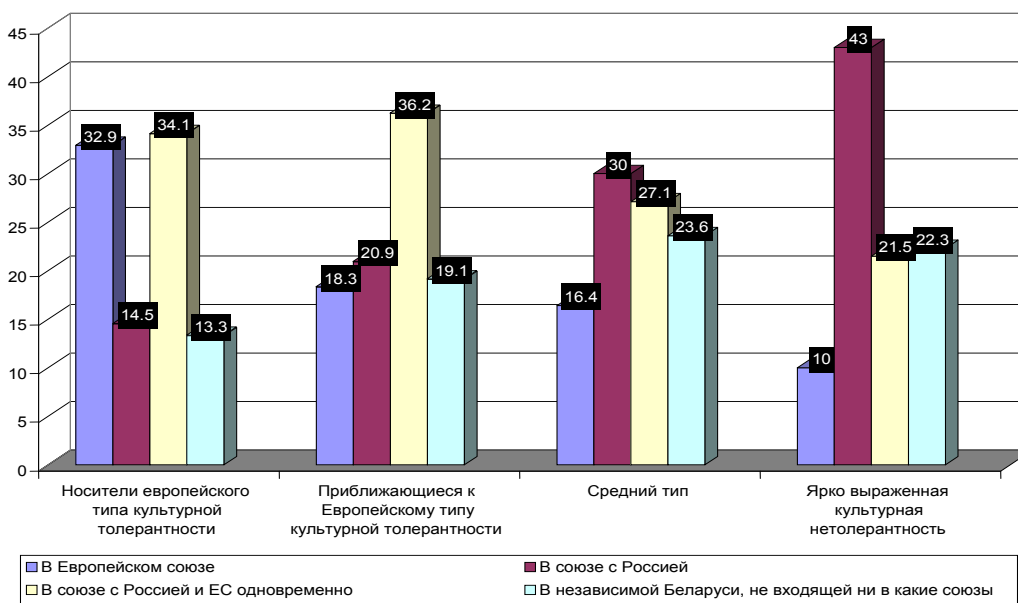
Политическая и культурная толерантность у респондентов с высшим образованием

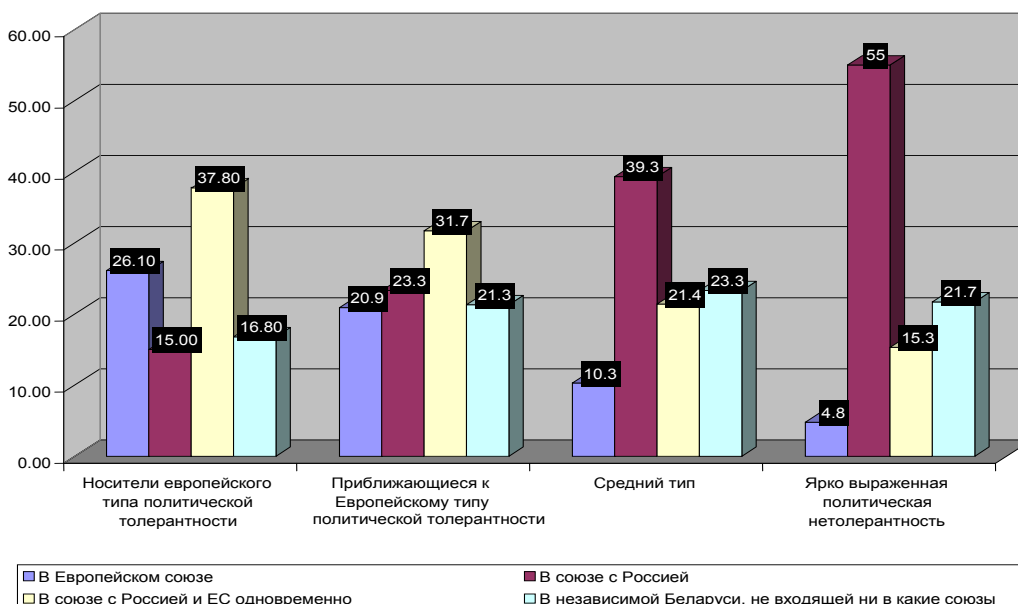
4.4. Европейский выбор и европейские ценности – взаимосвязь неоднозначна

Наконец, отметим, что взаимосвязь между типом политической и гражданской культуры и геополитической ориентацией также достаточно неоднозначна. С одной стороны, выбор в пользу союза с Россией и автаркии (независимой Беларуси, не вступающей ни в какие союзы) чётко коррелирует как с политической, так и культурной нетолерантностью. Носители же европейского типа ценностей разделены между выбором в пользу союза с ЕС и союза с ЕС и Россией одновременно. Таким образом, четыре варианта геополитического выбора сводятся по социокультурному типу респондентов в две пары (первый, либеральный, тип объединяет сторонников союза с ЕС и ЕС и Россией одновременно, второй, авторитарный – сторонников союза с Россией и независимой Беларуси, не входящей ни в какие союзы).

Геополитические ориентации в зависимости от уровня культурной толерантности
 Ответ на вопрос: «вы предпочли бы жить...»

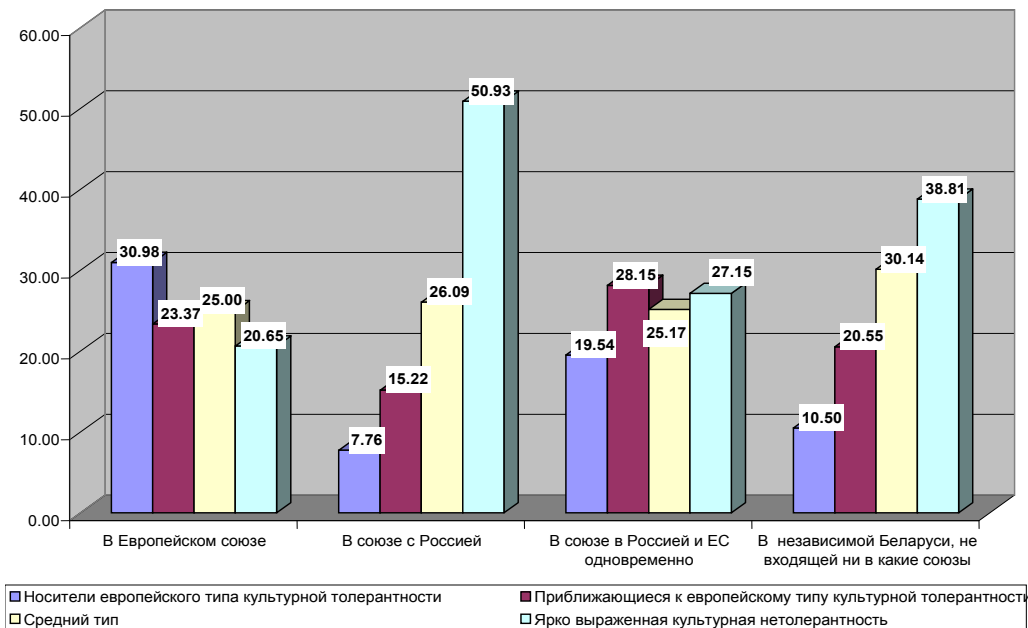

Геополитические ориентации в зависимости от уровня политической толерантности
 Ответ на вопрос: «вы предпочли бы жить...»

Итак, мы установили, что определённый тип политической культуры логически ведёт к геополитическому выбору (либеральный – к «европейским» вариантам, вместе с Россией или без оной; авторитарный – к раннему или позднему «лукашенковским» вариантам). Однако обратная взаимосвязь несколько менее выражена. Можно сказать однозначно, что среди тех, кто выбирает Россию или «лукашенковский» вариант независимой или неевропейской Беларуси, однозначно доминируют респонденты с ярко выраженной культурной нетолерантностью; среди тех, кто выбирает ЕС или союз с Европой и Россией одновременно, доминируют политические либералы. При этом нельзя однозначно сказать, что сторонники европейского выбора – культурные либералы, а сторонники лукашенковских геополитических опций – полные автократы в политическом смысле. Таким образом, многие сторонники европейской жизни могут столкнуться с такими аспектами этой жизни, которые они для себя могут найти трудно принимаемыми.

Уровень культурной толерантности в зависимости от геополитического выбора

Уровень политической толерантности в зависимости от геополитического выбора

